

Ольга Фарбер
Лепельная
Луна

Ольга Михайловна Фарбер
Пепельная Луна
Серия «Любовь. Недвижимость.
Предательство. Ольга Фарбер»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63590977

Пепельная луна: Эксмо; М.; 2021

ISBN 978-5-04-110767-3

Аннотация

В романе Ольги Фарбер описывается жизнь нескольких поколений – прабабушки, бабушки, мамы и дочери. У каждой есть то, что хотелось бы изменить, исправить, повторить или перечеркнуть, но все они живут со знанием того, что, какой бы ты ни была самостоятельной, ответственной, решительной и бескомпромиссной, есть самые близкие люди, которые готовы принять тебя такой, какая ты на самом деле. «Пепельная луна» – символ жизни этой семьи: когда кажется, что все сгорело и покрылось пеплом, не стоит отчаиваться, возможно, это просто начало нового жизненного цикла.

Содержание

Глава 1. My dreams come true	5
Глава 2. Миражи	26
Глава 3. Мечты	70
Глава 4. Боня и Леня	99
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Ольга Михайловна Фарбер

Пепельная луна

© Фарбер О., текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1. My dreams come true

Поезд «Париж – Москва» притормозил в Берлине, казалось, лишь для того, чтобы взять с собой одну Катю. Наверное, были и другие пассажиры, отделенные от нее плотной завесой тумана, сквозь которую не проходил обычный для столь оживленного места гул голосов.

Почти две недели назад в числе прибывших была и Катя – высокая стройная женщина лет пятидесяти; пышные золотистые волосы были уложены в простую элегантную прическу. Высоко поднятая голова, проницательный взгляд ярко-голубых глаз, красиво очерченный рот. Светло-серый брючный костюм сидел на ней безупречно.

На перроне ее встречала русская девушка Лена, которая сразу узнала Катю, хотя раньше они не виделись.

– Добрый день, Екатерина Александровна, – Лена широко улыбнулась. – Как доехали? Очень устали с дороги?

– Добрый день! Лена, пожалуйста, зовите меня Катей. Когда меня зовут по имени-отчеству, я пугаюсь, что ко мне обращаются учителя из школы, которую, к счастью, моя дочь уже закончила.

– Хорошо, Катя, так даже проще. Пойдемте на парковку. Лена легко подхватила чемодан Кати и сразу перешла к делу.

– Расскажите мне, пожалуйста, во всех подробностях, кто

он такой, наш заказчик, и какую квартиру он хочет купить, в каком районе? – спрашивала она, уверенно управляя микроавтобусом.

Катя не сомневалась в компетенции Лены, ведь она была ведущим специалистом в дружественном агентстве недвижимости в Берлине. Несколько солидных клиентов «Фостера», которые воспользовались услугами немецкого агентства, где работала Лена, остались очень довольны.

Когда месяц назад в Москве роскошный, похожий на киношного викинга и такой экзотический даже для привыкшей ничему не удивляться и никому не верить Москвы голландец Дирк Ноттен попросил ее помочь приобрести квартиру в Берлине, вопроса в том, кто будет помогать в поисках, не возникло. Катя перед приездом связалась с Леной по телефону и дала короткое техническое задание.

Голландец занимал высокий пост в московском филиале инвестиционного банка. Теперь господина Ноттена переводили работать в Берлин. Именно Катя нашла ему квартиру в Москве на любимом Арбате, которую Дирк арендовал больше трех лет, и она ему очень нравилась. Поэтому он попросил Катю подобрать ему квартиру на новом месте. Когда Дирк говорил о будущей квартире, Катя заметила, что его обычно серо-ледяные глаза вдруг стали словно светиться изнутри, как полярное сияние. «Влюбился», – подумала она.

В Берлин Катя приехала сразу после майских праздников и за неделю узнала его центр так, что вполне могла бы водить

экскурсии. С Леной они быстро нашли общий язык.

Несмотря на обилие, казалось бы, подходящих вариантов, поиски затянулись. Чаще всего Катя отсекала «совсем не то» и «не совсем то» еще на уровне фотографий, которые ей подбирала Лена. Придя на просмотр, они очень подробно расспрашивали владельцев и агентов о «подводных камнях» – скрытых недостатках, возможности начала стройки под окнами, соседях, службе безопасности, водоснабжении, кондиционировании. Лена быстро научилась понимать ее без слов и уже на подходе к дому видела сомнение на лице Кати, которая оценивала все, включая названия ресторанов и бутиков рядом с домом, и даже марки припаркованных поблизости машин.

– У меня складывается впечатление, что мы ищем идеальную квартиру для идеального человека, – пошутила она как-то после очередного Катиного отказа. – Уж не монаршая ли это особа?

– Нет, просто очень требовательный клиент с безупречным вкусом. Нам надо поторопиться, он придет не один и хочет сразу въехать в собственное жилье.

В первой половине дня Катя с Леной отсматривали по три-четыре квартиры. Потом обедали в уютных немецких ресторанчиках – каждый раз в разном. Как-то раз перед обедом они вместе мыли руки. Катя увидела собственное отражение рядом с Леной – двадцатипятилетней спортивной девушкой с идеальной кожей и плоским животом нерожавшей

женщины. И почувствовала легкий укол зависти. «Вернусь, запишусь к косметологу», – подумала она про себя.

Наконец квартира была найдена – 250 квадратных метров в самом престижном районе Митте. Знаменитые Хакские дворы, сквозные и тупиковые, защищающие своих жителей от шума мегаполиса, продуманные лучшими архитекторами своего времени с истинно немецкой скрупулезностью, неповторимые в своем очаровании и чудом уцелевшей провинциальности. Не самая броская, зато самая редкая и драгоценная жемчужина в блистательной короне мегаполиса.

Кате вспомнились улочки и переулки Арбата. Она сразу почувствовала себя как дома, их с Дирком вкус совпадал – в Москве он жил в тихом арбатском переулке. Квартира в Хакских дворах стоила тех немалых денег, которые хотел получить хозяин.

Отправив Дирку фотографии по электронной почте, Катя написала по-русски: «Добро пожаловать – домой!» Голландец свободно говорил не только на английском и французском, но и на русском.

Дирк тут же прислал ей восторженный ответ: «Это будет мой немецкий дом, найденный с русской душой. Я не сомневался в вас, Катя! Уверен, моей девушке он тоже понравится. Оформляйте сделку, я приеду попозже, не люблю тратить время и присутствовать при формальностях».

Чем он теперь занят, Катя догадывалась и понимала, что занятие это во стократ интереснее походов к нотариусу.

Покупка квартиры прошла с безукоризненной немецкой предсказуемостью, что по-русски принято называть «без сучка без задоринки». На родине Катя всегда была готова к «задоринкам», которые могут возникнуть и сорвать самую, казалось бы, идеальную сделку, но вместе с тем делают работу в недвижимости такой интересной и азартной. Когда сделка совершилась и они, внимательно прочитав и подписав все бумаги, вышли на улицу – в жаркий майский полдень, Лена как будто прочитала ее мысли.

– Когда я жила в России, в Петербурге, каждый день был борьбой, уравнением с несколькими неизвестными. Выходишь утром из дома и не знаешь, что тебя может ждать. Трамвай придет вовремя или опоздает, обхамит тебя кондуктор или улыбнется, окажется неприятным день в нужной инстанции или нет, возьмут у тебя документы для оформления сделки или отправят за еще одной справкой, а там тоже очередь или вообще закрыто... Тебе в любой момент могли что-то не дать, запретить, поставить препятствие. Но, когда ты все сделала, все преодолела, всех победила, можешь по праву наслаждаться чувством победы. Здесь я выхожу утром из дома и четко знаю, как пройдет мой день. Никаких неожиданностей не будет, от этого немного скучно.

– Именно поэтому на Западе люди иногда сами придумывают себе трудности, – задумчиво сказала Катя. – Человеку без трудностей никак. Тот, кому их не хватает, начинает изобретать.

– Да, эта фирменная русская ложка дегтя в бочке меда на самом деле интернациональна. Сами придумываем трудности и сами их преодолеваем... Ладно, что-то мы в философию ударились. Предлагаю немного испортить фигуру! Тут есть весьма демократичная кафешка Луха, в ней делают потрясающие дюрюм денеры. По чашке кофе – и в парк Тиргартен. Мы сделали дело и теперь можем гулять смело! Там весной очень красиво. Кстати, это бывшие королевские уголья. Правда, там еще любимое место встреч наших местных элгэбэтэшников, но они все мирные и милые, никто никому не мешает, всем места хватает.

Лена увлекла Катю в уютную прохладу какой-то и впрямь забегаловки.

– Что такое дюрюм... как ты сказала? – со смехом спросила Катя. В весеннем Берлине с веселой, жизнерадостной Леной она чувствовала себя студенткой, сбежавшей с лекции ради того, чтобы посидеть с подружкой в кафе. Сама Катя с лекций никогда не сбегала, и оттого было еще веселее представлять, как бы оно могло быть. Будь у нее такая подруга, как Лена, – вполне.

* * *

Теперь Лена заботливо поддерживала Катю под локоть и потерянно причитала, продолжая начатые ранее, но уже бессмысленные на перроне уговоры:

– Все-таки на самолете лучше бы было. Всего два с половиной часа, и ты дома. А тут ехать больше суток! Неважно себя чувствуешь... Может, все-таки доктора надо было вызвать?

– Да уже есть билет, – вяло и так же автоматически отмахивалась от нее Катя. – Наоборот, лягу сейчас, выплусь. Спасибо за заботу, Леночка. Я в порядке.

Лена с сомнением взглянула на нее, но возражать не стала. Смысла возражать перед самым отходом поезда уже не было.

– В голове не укладывается, – вздохнула Лена.

Катя кивнула, но промолчала: сил и желания поддерживать разговор о случившемся у нее не было. Она чувствовала себя такой разбитой, что мечтала только о полке с белым накрахмаленным бельем. Лечь и уснуть под стук колес... Кажется, она заснет, как только поезд тронется, а проснется только в Москве. Главное, успеть позвонить Соне, чтобы узнать, куда та пропала. Правда, несчастные Сонины звонки уже стали привычным делом: дочь повзрослела и уже не звонила маме, как прежде, несколько раз в день.

– Мне сообщили, что Дирк, до того как он, она, то есть он... – Катя запнулась, но взяла себя в руки и продолжила по-деловому: – Господин Ноттен сразу после подписания договора поручил своему ассистенту перевести комиссионное вознаграждение на банковский счет в Москву. Как только деньги дойдут, это минимум три рабочих дня, я сразу перечислю на твой счет сумму, которую мы обговаривали.

Настал черед Лены молча кивнуть. Они сделали свою работу и ни в чем не могли себя упрекнуть.

– Все это очень странно, – она вновь попыталась обсудить это, но Катя сдвинула брови, давая понять, что больше не скажет ни слова по вопросу, ответа на который не было у обеих, как ни переливай из пустого в порожнее.

– *My dreams come true*, – задумчиво произнесла Катя. – *Come true...*

Лена встревоженно посмотрела на нее.

Проводник в синем кителе обратился к Кате по-русски:

– Прошу в вагон, мадам. Мы отправляемся.

Катя с Леной обнялись – душевнее, чем ожидали. Это и неудивительно, за неделю поисков квартиры для Дирка, оставив деловой этикет и невзирая на разницу в возрасте, они перешли на «ты» и стали понимать друг друга с полуслова. Катя даже жалела, что Лена живет в Берлине, окажись та в Москве – сразу бы получила предложение работать в агентстве «Фостер». Такие толковые девушки встречаются нечасто.

За долгие годы работы в сфере недвижимости Катя поняла, что прирожденные таланты встречаются не только среди писателей, художников, музыкантов, актеров. Бывают и агенты от бога – те, кого отличает особая интуиция и везение. Нюх и чуйка, говоря языком охотников. У Кати эта чуйка была и у Лены тоже. А самое главное – было умение работать с клиентами независимо от их характера, поведения,

заносчивости, пренебрежительного обращения. Профессионал делает свое дело, несмотря ни на что. Именно поэтому Лена, окажись она в Москве, вряд ли пошла бы работать в Катино агентство. Как и сама Катя, она не привыкла находиться на вторых ролях. Как и Катя, она посвятила себя бизнесу, а не разжиганию семейного очага. Их орбиты были похожи, но не могли слиться в одну.

– Обязательно позвони, как доберешься!

– Хорошо! Не стой только на перроне. С детства не люблю проводы и расставания перед поездом, когда все изнывают и мнутя: одни уже устали смотреть в окно, махать рукой и только считают минуты, проклиная поезд, который никак не тронется, вторые хотят исполнить долг провожающего до конца и тоже изнывают от скуки, тем более что через стекло уже не поговорить, остается посылать воздушные поцелуи и тоже проклиная поезд.

– То ли дело на самолете, – поддержала Лена. – Довел до зоны контроля – и адъё! Все, все, умолкаю... С богом!

* * *

В Катинем СВ уж сидел сосед – импозантный седовласый мужчина того возраста, который начинается от пятидесяти и уходит на несколько десятков лет вперед, когда человек следит за своим здоровьем и внешностью. На нем были ослепительно белая рубашка, бордовый галстук в серую тонкую по-

лоску и серый костюм.

– Bonjour, – поздоровался он с Катей, оторвав глаза от газеты.

Она сдержанно ответила на приветствие и устало опустилась на мягкий диван.

Сосед-мужчина не смутил Катю, хотя его присутствие удивило, ведь железнодорожные билеты в Европе принято продавать строго в женское или мужское купе. Словно в ответ на ее мысли француз развел руками, будто извиняясь, что вместо мадам Катя обнаружила в попутчиках месье.

В дверь тут же постучал проводник, Катя открыла сумочку, думая, что у нее снова проверят билет.

– Прошу вас извинить меня. В соседнем купе едут молодыены, они сели в Париже и попросили господина, – проводник взглядом показал на француза, – поменяться местом с девушкой, у которой был билет в ваше купе. Они едут до Москвы. Если вы против, то я сейчас подойду к ним и господин пересядет на свое место.

– Нет, что вы, пусть едут спокойно. Меня все устраивает.

– Спасибо за понимание. Хорошей дороги, – проводник бесшумно затворил дверь.

Француз снова углубился в чтение, и Катя решила исполнить свою мечту: поскорее лечь и закрыть глаза. Сон представлялся ей спасительным забвением. Хотя спастись ей, собственно, было не от чего. В ее собственной жизни ничего плохого не происходило, а в чужой... В чужих жизнях, если

присмотреться, всегда происходит что-то плохое.

Соня!.. Чуть не забыла позвонить. Трубка отвечала длинными гудками, наконец раздался щелчок.

– Соня! – начала Катя.

– Абонент не отвечает, – равнодушно сообщил механический женский голос.

«Послушала бы я твой тон, если бы твой ребенок не подходил к телефону!» – раздраженно подумала Катя и, не сдержавшись, произнесла вслух:

– Да где же ты?

Француз заинтересованно взглянул на нее из-за газеты, но тут же снова деликатно погрузился в чтение.

Через несколько минут Катин телефон коротко пиликнул. Она схватила его – эсэмэс от Сони.

«Я в метро, связь пропадает, все норм».

«Возвращаюсь, уже в поезде, – быстро набрала Катя и добавила: – Люблю, будь осторожна». В последнее время Соня изменилась: стала колючей, как ерш. Вроде безобидная маленькая рыбка, а дотронешься – уколет униженным шипами плавником. Кате хотелось прижать ее к себе, как маленькую, обнять, но ершик ускользал и, хоть и плавал рядом, в руки не шел, на нежности не поддавался.

Сообщение Сони успокоило Катю: так рано, а она уже в метро, значит, на занятия едет. Неудивительно, дочь всегда была отличницей, а учеба Сони – предметом гордости всей семьи.

Она скинула туфли и с наслаждением прилегла на диван, закрыла глаза, машинально одернула юбку. Ей было все равно, что подумает случайный попутчик. Она устала и имеет полное право немного вздремнуть. Но вот незадача: сон как будто не дождался своего часа и ушел, потоптавшись на пороге. Так бывает: когда очень хочется спать, мечтаешь о том, как заснешь, но вот переходишь, перезреешь, и сон как рукой сняло. «Переколобродишь», – смешно говорила ее бабушка Анна Ионовна, любившая иногда вставить в свою безупречную речь светской дамы какое-нибудь залихватское словечко из пензенской молодости.

Катя открыла глаза. Француз все держал перед собой газету, и снизу, из положения лежа – как определила она про себя, казалось, что он ее не просто читает, а как бы защищается газетой от Кати, отгораживается, как ширмой. Она видела только его руки – длинные пальцы, отполированные ровные ногти. Но эти красивые, ухоженные мужские руки не производили впечатления офисных неженков. Станным образом они казались способными взять, например, тесак или любой другой инструмент – что-то смастерить, наладить, настроить.

Катя перевела взгляд вниз, на дорогие узконосые ботинки с шнурками темного винного цвета. Она отметила про себя, что шнурки, очевидно, подобраны в пандан к галстуку.

Бордовый цвет, как и все оттенки красного, она не любила с детства. К счастью, ее уже больше не беспокоили паниче-

ские атаки при виде пурпурных роз или капель красного вина на белой скатерти. За это она была благодарна известному психологу Михаилу Лабковскому, который объяснил ей причину происходившего многие годы после детской травмы. Перелистнув эту страницу своей жизни, она не любила вспоминать прошлое, но иногда выхваченный взглядом бордовый цвет самых неожиданных или, наоборот, привычных вещей навевал воспоминание, которое всегда оканчивалось облегчением: как хорошо, что все прошло.

Еще только войдя в купе, она мельком отметила, что попутчик на кого-то похож, но не очевидно. Просто та же порода, тот же типаж: зачесанные назад чуть выющиеся волосы с сединой, прямой нос, волевой подбородок. От него исходил едва уловимый аромат даже не одеколона, а мужского тела, привыкшего к изысканным парфюмированным средствам с тонкой нотой.

В руках француз держал «Le Monde». На столике рядом с ним высилась целая стопка свежей прессы, из чего Катя сделала вывод, что, возможно, не увидит лица попутчика до самой Москвы. Поверх газет лежала книга. Катя пригляделась к обложке: Vladimir Nabokov, «Laughter in the Dark». Она и сама читала на английском роман «Смех в темноте». Похоже, вкусы у них с французом сходятся.

Поезд уже покинул пределы города и набрал скорость. Катя снова закрыла глаза и в образовавшейся темноте увидела красные всполохи, бегущие друг за другом по кругу и меня-

ющие очертания, как будто кто-то вертел калейдоскоп и не мог наиграться. Веки стали тяжелыми, хотя Катя пыталась открыть их: ей не нравились эти тревожные красные огни, похожие на маячки спасательных служб. Окутанная дремой, она мчалась домой, в Москву, а красные огни будто летели за ней следом, желая что-то сообщить, предупредить или просто ввергнуть в ту пучину страхов, из которой она выбралась, казалось бы, навсегда.

* * *

Постепенно огни отступили. На грани сна и яви она снова стояла в холле отеля «Арапат Парк Хаятт» на Неглинной. Еще не попавшей в оковы беспокойного сна Кате хотелось уйти оттуда в реальность купе поезда, но сон уже взял ее за руку и уводил все дальше – в будущее, которое уже случилось наяву в Берлине, а теперь стало прошлым. Она осознавала это, но все же стояла в том прошлом, которое еще не стало настоящим, и будущим, и снова прошлым – стояла и протягивала руку Дирку, а он представлял ей девушку неземной красоты.

– Познакомьтесь, Катя, это Анна, она уезжает со мной в Берлин. Анна – это Катя, благодаря ей мы живем в чудесном месте на Арбате. Уверяю тебя, в Берлине она найдет нам квартиру не хуже.

Катя впервые обомлела от вида девушки. Чем-то она на-

помнила ей давнюю подругу, жену посла одной из европейских стран Акеми, бесследно растворившуюся на бескрайних просторах вслед за русской любовью. Брошенный муж так и не сумел найти свою благоверную.

Но Акеми была японкой, поэтому ее хрупкость не казалась такой уж экзотической, скорее характерной. Существуют ли вообще толстые японки?

Природа наделила Анну той типичной для русских девушек красотой, в которой славянские корни схлестывались с восточными. Но чтобы из пены этих волн могла выйти такая Афродита, буйство генной стихии должно было быть особенно мощным. Казалось, все лучшее, что могли дать Восток и Запад, соединилось в одной девушке.

«Так вот что значит – бездонные глаза», – подумала Катя. Взгляд серо-голубых глаз излучал невинность и порок. Фигура отличалась безупречной стройностью. При этом девушка не производила впечатления завсегдатая фитнес-клубов. Она была скорее восхитительно бесплотной и невероятно тонкокостной от природы, чем потратившей много времени и усилий на идеальное состояние тела – разница, улавливаемая глазом мгновенно, даже если девушки находятся в одной весовой категории.

Узкие черные брюки с высокой талией только подчеркивали стройность Анны. Рукава белого свитера из кашемира были небрежно закатаны. На тыльной стороне левой руки красовалась выведенная готическим шрифтом татуировка.

ка «My dreams come true».

Катя оценила татуировку – сама она, признаться, тоже подумывала сделать себе тату: стильное, маленькое и, конечно, не на таком видном месте, но что-то ее останавливало. В конце концов она даже пришла к выводу, что все люди делятся на две категории: те, кто может сделать себе тату, и те, кому это не по плечу – не только в переносном, но и в самом прямом смысле слова. Себя она окончательно и бесповоротно отнесла ко второму разряду: не то чтобы она боялась расхожих страхов – «я постарею, кожа обвиснет, и как это все будет выглядеть», в ее сомнениях было нечто сакральное – на татуировку надо решиться, это должен быть *твой* текст, *твой* символ, *твой* сигнал во Вселенную, и ты должен быть в нем уверен, поскольку то, что нанесено на тело, непременно окажет влияние на дальнейшую жизнь. Выходит, Анна была еще и смелой, что не могло не восхищать Катю.

Дирк не сводил влюбленных глаз с Анны, как будто все, что он говорил, так или иначе адресовалось ей.

– Катя, меня переводят работать в Берлин. Я хочу, чтобы вы лично туда поехали и подобрали в этом прекрасном городе лучшую квартиру для нас! – Он сжал руку Анны так сильно, что она вздрогнула, глаза ее расширились.

Катя невольно остановила взгляд на двух намертво сомкнутых руках – мужской и женской – и заметила несколько синяков на запястье Анны, которые были тщательно заретушированы. «Как будто следы от наручников», – подума-

ла Катя.

– Красивая татуировка, – сказала она Анне, чтобы подержать разговор, когда Дирк отошел, чтобы ответить на телефонный звонок.

– Я верю в то, что мечты сбываются, – улыбнулась девушка. – Вот говорят: «Увидеть Париж и умереть», а я бы сказала: «Увидеть Берлин и умереть». Мой отец был военным, я родилась в Потсдаме в последний год его службы в Германии. Советский Союз распался, и военные вернулись на родину. Я никогда не была в Берлине, но много слышала о нем от родителей. И вот, пожалуйста, – мечты сбываются!

Дирк вернулся и снова взял Анну за руку. «Что же все-таки за синяки украшают оба ее запястья? – подумала Катя. – Может, это он так крепко держит ее своими огромными ручищами? Как будто боится, что она, как лесная нимфа, выскользнет из его объятий».

Анна встала и, сказав, что ей надо поправить макияж, направилась в дамскую комнату. Через минуту Дирк тоже встал и извинился перед Катей.

– Оставляю вас на пару минут. Пойду узнаю, все ли у нее в порядке.

Оставшись одна, Катя вновь погрузилась в свои мысли и даже вспомнила откровенный рассказ одного клиента о том, что он влюбился в будущую жену после того, как она позволила ему воплотить в жизнь сексуальные фантазии на втором свидании прямо в туалете ресторана. Возможно, и ей

придется подождать...

Вернулись Дирк и Анна вместе минут через пять. Макияж девушки уже не казался столь безупречным, как перед намерением его поправить. Красная помада была стерта с губ и нанесена снова, но припудренный след от нее на щеке слегка розовел. Вместе с тем Анна словно стала еще красивее. Они с Дирком опять держались за руки, и казалось, воздух вокруг них наэлектризован, и все, что попадет в общее поле их притяжения, претерпит колоссальные изменения.

Мерный гул в ресторане «Консерватория» отеля «Арапат Парк Хаятт» нарастал. Когда они зашли сюда, шума вроде не было, но сейчас ресторан заполонил народ, что было странно для дневного времени, как будто стоимость бизнес-ланча здесь понизили в четыре раза.

Катя встревоженно оглянулась и оторопела. За столиками сидели разномастные туристы, солировали, конечно, китайские, и всем им на шикарных подносах официанты несли джором денеры, кошунственные для заведения высшего уровня, немыслимые для пятизвездочного «Арапат Парк Хаятта». Она хотела было спросить Дирка, что случилось, но он вместе с Анной исчез. Вслед за ними подернулся дымкой, а затем пропал интерьер отеля на Неглинной. Катя сидела в берлинской кафешке. На нее встревоженно смотрела Лена, утиравшая губы салфеткой. Лена только что съела проклятый денер – всего лишь лайт-версию обычной шавермы, пусть и имеющую всего двести килокалорий. Катя почему-то

знала, что она уже не в Москве, а в Берлине.

Лена сидела на элегантном диване, обтянутом воловьей кожей винного цвета, из коллекции Railway. Едва войдя в купленную для Дирка квартиру, Катя сразу обратила внимание на этот диван и отметила, что он больше похож на диван-кровать в поезде. Густой бордовый цвет и столь не подходящие для дивана ножки в виде колес от паровоза...

Они ждали Дирка и Анну, чтобы передать ключи.

– Задерживаются уже больше чем на десять минут, – Катя взглянула на часы. – Это не похоже на Дирка.

Шум, поднявшийся еще в ресторане, не утихал, служил фоном всему происходящему, несмотря на стремительную смену декораций. Катя попыталась найти его источник и поняла: это настенные часы тикали очень громко. Странно, зачем вешать в квартире часы с таким громким ходом? Кажется, будто едешь в поезде...

– Может, девушка носик пудрит, – предположила Лена.

– Уже не просто девушка. Они помолвлены.

– Бывает же такая любовь! – вздохнула Лена. – Ты пульт от телевизора не видела?

– Да вот же он, на столике, – Катя подала Лене пульт, а сама вышла на балкон.

Было свежо и солнечно. Шум улицы сюда не долетал, поэтому квартиры в Хакских дворах ценились особенно дорого.

Истошный крик из комнаты почему-то не удивил ее. Как

будто это уже где-то было – и Лену, которая указывала на экран телевизора и не могла вымолвить ни слова, она уже видела. Молодой, очень оживленный корреспондент тараторил по-немецки, в следующем кадре показали отъезжающую от какого-то высокого здания «Скорую», потом человек в полицейской форме с решительным лицом что-то коротко прола-ял в камеру, и Катя увидела Дирка. Люди в форме вели его к машине полиции, поддерживая с двух сторон. Руки Дирка были заведены назад и закованы в наручники.

За спинами полицейских толпились вездесущие китайские туристы с фотоаппаратами, а один был настолько оживлен, что все время лез вперед и что-то тараторил, жестикулируя и тыча своей камерой в лицо одного из полицейских, словно хотел попросить сфотографировать его на фоне происходящего.

Садясь в машину, Дирк оглянулся на камеру, но Кате показалось, что на нее, будто знал, что она смотрит. Но полицейский подтолкнул его, и через секунду голландец скрылся в машине с включенной мигалкой.

– Что? Что случилось? Лена, переведи же! – Во рту мгновенно стало сухо, появился приторный железистый привкус, поэтому слова как будто прошелестели, а может, она и не произнесла их, а Лена прочитала по губам, потому что тоже когда-то в недалеком прошлом уже слышала их.

– Он выкинул ее с четвертого этажа отеля «Ритц Карлтон».

– Она... Что с ней?

– Мгновенная смерть.

Катя почувствовала резкий толчок и застонала. Красные всполохи завертелись перед глазами. Она превратилась в Анну и летела вниз, ощущая в последнее мгновение жизни всю губительную тяжесть своего тела. Катя широко открыла глаза и увидела прямо перед собой распахнутые, застывшие глаза Анны, в которых отразилась пролетевшая высоко в небе птица.

Глава 2. Миражи

Она уже ощутила удар о землю – это было не так больно, как могло показаться, весь ужас заключался в необратимости, – но продолжала мыслить, что доказывало: жизнь существует и после смерти. По крайней мере, жизнь разума. По всем законам жанра скоро в образовавшейся темноте она должна увидеть свет и полететь на него сквозь черный тоннель.

Она уже умерла, но кто-то настойчиво не хотел с этим мириться и, ухватив брентную телесную оболочку, вмешался.

– Est-ce que ça va? Est-ce que vous allez bien?¹

Катя с трудом открыла глаза, не осознавая в первый миг пробуждения, где она находится, и с трудом возвращаясь в явь из липких объятий кошмарного сна. Француз держал ее за плечи и встревоженно смотрел в лицо.

Пол купе устилали газеты. Катина сумка и мобильный телефон тоже валялись на полу. Несколько Сониных фотографий, которые Катя всегда брала с собой в дальние поездки и клала в ежедневник, рассыпались веером. Голова гудела, Катя провела рукой по покрытому испариной лбу.

– Что случилось? – спросила она его по-русски и повела плечом, давая понять, что желает освободиться от неждан-

¹ Как вы? Как ваше самочувствие? (*фр.*)

ных объятий.

Француз тут же отпустил ее и секунду подержал руки поднятыми, как бы сдаваясь и тоже давая понять, что не имел дурных намерений.

– Почему мы остановились? – снова по-русски спросила Катя скорее себя, чем его. – Мне приснилось или был удар?

Француз беспомощно развел руками, опустил на колени, подал Кате сумку и телефон, аккуратно сложил стопочкой Сонины фотопортреты на стол, затем принялся собирать свои газеты. Книга Набокова нашлась под диваном.

Катя понемногу приходила в себя. Роман на английском окончательно вернул ее в языковую реальность.

– Вы говорите по-английски? – спросила она.

– Да, конечно, – ответил он с типичным французским акцентом, продолжая стоять на коленях. – Меня зовут Оноре де Монтиньяк. Я рад, что вы не ударились, мадам. Поезд резко затормозил, все полетело. Вы спали так беспокойно и сто-нали во сне! Лежали на самом краю, я едва успел подхватить вас. Сейчас я выйду в коридор и выясню, что случилось. Я иногда езжу в Москву этим поездом, такого не должно быть, это что-то чрезвычайное.

– Екатерина Суворова, – представилась она и подала ему руку.

Француз слегка сжал ее свой огромной ладонью.

Пока она спала, он успел переодеться: серый костюм сменила светло-голубая рубашка-поло и льняные брюки. Увидев

скачущего всадника на кармане рубашки, Катя машинально отметила про себя название известного бренда.

Катя опустила ноги на пол и надела туфли. Вместе они выглянули в коридор и наткнулись на проводника.

– Вы не пострадали при торможении? – спросил он их по-английски. – Наверное, это кабан или лось. Такое редко, но случается. Выбегают на дорогу, не везде есть ограждения....

Катя взглянула в окно. На пригорке высились небольшие домики. Судя по времени, они ехали уже по территории Польши. Неужели так близко от жилья встречаются дикие животные? Хотя, может, где-то рядом лес.

Она вернулась в купе и притворила за собой дверь. Француз остался в коридоре. Несколько человек прошли быстрым шагом, оживленно переговариваясь по-французски. Оноре что-то спросил у них и, услышав ответ, присвистнул.

– Скоро мы поедem? – спросила Катя, когда он вошел в купе.

– Точно неизвестно. Возможно, еще немного постоим, но ночью поезд нагонит и придет вовремя, не переживайте. Давайте зашторим окно? Это солнце такое яркое...

Катя глянула на розовую полосу солнца, оно проглядывало из-за набежавших туч и отнюдь не претендовало на то, чтобы слепить глаза.

– Погодите, что это? – она прильнула к окну. – «Скорая»... Это не кабан... Поезд сбил человека?!

Белая машина с красной и синей продольными полосами

и надписью «Ambulance» быстро ехала, сверкая проблесковыми маячками, по гравийной дороге, идущей к насыпи, на которой замер, словно провинившийся, поезд.

«Уа-уа-уа-уа», – протяжно плакала ее сирена, заставляющая сжиматься сердце при мысли о том, что этот тревожный колокол хоть раз в жизни, да бьет по каждому, и дай бог, если это заурядное отравление, высокая температура при простуде или приятное событие – грядущее появление на свет нового человека. Но ведь бывает и по-другому, и от этого никто никогда не застрахован.

Они едут во втором вагоне, значит, там, впереди, совсем рядом, на путях лежит тело, а может, прямо под ними, ведь скоростной поезд, несмотря на экстренное торможение, имеет большой тормозной путь. Катя представила себе распластанное тело, бурю кровь на рельсах, которая еще не успела запечься, и ей стало дурно. Горло сжал спазм. Хорошо, что она сегодня ничего не ела, только чашка кофе и круассан утром, иначе ее бы стошнило прямо здесь, перед этим великолепным французом.

– Екатерина, лучше вам не смотреть. Да, только что сообщили, что под колеса попал молодой человек. Очевидно, наркоман. На станции оказались свидетели, говорят, он вел себя неадекватно, явно находился под воздействием чего-то. Вы очень бледная. Вам плохо? Я спрошу у проводника лекарство. Какое успокоительное вы обычно принимаете?

– Никакое. Спасибо, я в порядке.

Он протянул ей стакан воды. Катя сделала маленький глоток, но испугалась, что ее стошнит, поблагодарила и поставила стакан на столик, который разделял их, обозначая границу.

На столике лежали Сонины фотографии.

– Это ваша дочь? – Француз явно желал увести разговор и переключить Катину внимание. – Очень красивая девушка, но, наверное, она больше похожа на вашего мужа?

Катя неопределенно кивнула, не признаваться же, что мужа у нее никогда не было. Она бережно убрала фотографии обратно в ежедневник, затем выпрямила спину, прижалась к стенке купе, прикрыла глаза и начала медленно дышать, стараясь, чтобы вдыхаемый воздух доходил до самого низа живота. Так учила бабушка в детстве, когда Катю укачивало в транспорте, а им надо было проехать несколько остановок до поликлиники. Как и у многих людей со слабым вестибулярным аппаратом, окреп он у нее уже во взрослом возрасте, когда Катя сама села за руль. Сработал всем известный феномен: водителей никогда не укачивает, даже если в качестве пассажира они не могут проехать и десяти минут.

Сейчас дело было даже не в тошноте, а в этих зримо представленных каплях крови, которые и вызвали спазм. Катя дышала, как учила бабушка, и прислушивалась к себе: неужели это предвестник панической атаки? Она не боится вида крови, принимает в подарок алые розы и даже купила себе красное платье, как посоветовал ей Лабковский. Она

умеет отделять мнимое от реального. У нее все хо-ро-шо. И у Сони все хо-ро-шо. У них обеих все просто замечательно, а попавший под колеса наркоман – одна из чужих бед, которые не имеют к ним никакого отношения. Это все нервы, усталость, впечатлительность – от них так заходится сердце...

Поезд тронулся. Француз сел напротив и опять зашелестел газетами. Катя решила, что он снова примется невозмутимо читать, и позавидовала его выдержке, но, когда открыла глаза, увидела, что он всего лишь сложил газеты в ровную стопку, а сверху опять поместил книгу.

– Вам нравится Набоков? – спросила его Катя.

– Мне нравится русская литература! – Он был рад сменить тему разговора и отвлечь ее мысли от трагедии. – Пушкин, Тургенев и Толстой оказали огромное влияние на литературу Франции. Наши писатели стали создавать свои произведения под влиянием русских. Например, Андре Жид или Альбер Камю немыслимы вне Достоевского. И это касается не только прошлого! Одним из величайших современных французских писателей считается русский эмигрант Андрей Макин, он переехал к нам в конце восьмидесятых годов. Его знаменитая книга «Французское завещание» получила самую престижную во Франции Гонкуровскую премию, а также премии Медичи и лицейстов. Такого никогда не случилось ни с одним французским писателем. В 2016 году Макин был избран членом Французской академии, основанной кардиналом Ришелье. А до него были Анри Труайя, Жозеф

Кессель, Ирен Немировски и Владимир Волков – представители эмигрантской волны, сумевшие добиться признания во Франции. Разумеется, Набоков стоит особняком, в эмиграции он писал не на французском, а на английском, но именно этот русский писатель доказал всему миру, что можно блестяще писать на неродном языке.

– Наверное, вы и сам пишете или занимаетесь изучением литературы? – предположила Катя.

Тирана Оноре чем-то напомнила ей Семена, который тоже мог долго и со вкусом, с мельчайшими деталями, датами и подробностями рассказывать о том, что его действительно занимало.

– О нет! Я всего лишь любитель, преданный читатель. По профессии я архитектор. Кстати, я нескромно считаю, что моя работа в чем-то сродни писательству. Архитектор, как и литератор, создает с нуля то, чему предстоит простоять много веков. По крайней мере, каждый из них стремится к этому, воплощая свой замысел.

– Как красиво вы говорите! Никогда не думала об архитектуре в таком ракурсе, но, пожалуй, вы правы. Я тоже причастна к недвижимости, но несколько с иной стороны. Я продаю и сдаю в аренду то, что создают архитекторы. Мое агентство чутко относится к запросам клиентов, мы стараемся подобрать именно то, что человек ищет, порой сам того не осознавая. Был у нас такой случай. Клиентка искала квартиру с обязательным зимним садом. В Москве с нашим климатом

такую трудно найти. Мы предлагали квартиры с большим количеством цветов, но ни одна ей не понравилась... Оказалось, что сад нужен был для ее питомца – игуаны, – сказав это, Катя пожалела, что раздала все визитки в Берлине.

– И чем завершилась история? Вы ведь не оставили игуану без дома, вернее, без сада? – улыбнулся он.

– Разумеется, нет. Довольны остались и хозяйка, и, смею надеяться, ее игуана, – рассмеялась Катя. – Постойте... Оно-ре де Монтиньяк... Так это о вас я читала в журнале «Архитектура и дизайн»? Вы работали над апартаментами самого знаменитого актера Франции в Париже. Я видела фотографии, особенно мне понравилось решение в стиле Бранкузи. Признаться, нечто подобное мы воспроизвели при ремонте подмосковного особняка одного олигарха. Неужели это вы тот самый архитектор Монтиньяк?

– Он самый, – француз склонил голову и улыбнулся.

– Ой, простите, – покраснела Катя. – Зачем же я вам рассказала про балки-то?

– Не переживайте, Екатерина. Если бы вы знали, сколько раз меня копировали. Это жизнь: в архитектуре, как и в литературе, всегда есть место плагиату, что лишний раз доказывает их сходство. Да мне и не жалко. Делать жилища людей красивыми – моя работа. Я постоянно придумываю что-то новое и не делаю секрета из своих проектов. Если подражатели талантливы, пусть набивают руку. Каждый мастер начинает обучение с воссоздания уже существующего, жи-

вопись и музыка – тому подтверждение. Если на моих работах учатся, я только рад и иду дальше: создавать и отдавать – вот мой девиз.

– Простите за любопытство, в Москву вы тоже по работе?

– На этот раз да. Пригласили сделать проект загородного дома. Мне это показалось интересным – в самом сердце России создать классическую средиземноморскую виллу. Никакого напускного шика и буйства форм, ничего лишнего. Я был бы рад показать вам ее, когда завершу работу!

Разговор о работе позволил Кате окончательно успокоиться. К счастью, ее знания английского вполне хватало, чтобы понимать все, что говорит Монтиньяк. К тому же всегда легче разговаривать на английском с иностранцем, нежели с носителем языка. От Оноре де Монтиньяка исходило такое спокойствие и уверенность, что купе рассекающего темноту поезда стало казаться самым безопасным на свете местом.

Катя представила, как они выглядят со стороны: мужчина и женщина в желтом овале окна, которое, словно спутник, несется в черной бездне бесконечного мира.

Наступила пора ложиться.

– Ночник вам не мешает? Пожалуй, я еще немного почитаю, – сказал француз. – Если вы не против.

– Конечно. Я засыпаю и при свете, – ответила Катя.

– Вам говорили, что вы очень похожи на Катрин Денёв? – неожиданно спросил он ее.

Катя секунду помедлила перед тем, как ответить. Ска-

зять, что впервые ей сообщил об этом потомок Виктора Гюго в парижском ресторане «La Tour d'Argent», было как-то нескромно и могло повлечь за собой расспросы, невольно затрагивающие самое личное, ведь то путешествие по Франции было связано с Семеном, ставшим отцом ее дочери.

– Говорили однажды, но я не вижу сходства. А вот вы мне кого-то напоминаете...

– Все французы чем-то похожи друг на друга. Бывшая жена считала, что у меня есть сходство с одним нашим актером... Когда близкие приписывают нам внешние черты других людей, не значит ли это, что они не замечают наших внутренних достоинств? – проговорил он задумчиво.

Катя уловила нотку грусти в его словах, но не стала отвечать расспросами. Очевидно, и он имел в виду что-то свое, личное – то, что лучше не тревожить двум случайно встретившимся мужчине и женщине.

– Спокойной ночи, – сказала она Оноре.

– Bonne nuit, – ответил он по-французски.

Катя вспомнила, что так же ей желал хорошего сна Семен. Правда, часто среди ночи он будил ее и нарушал хороший сон, а иногда еще и под утро. Она вытянулась под одеялом, как стрела, и ощутила наливающуюся тяжесть груди. Впервые за много лет она пожалела, что не имеет привычки надевать в поезд кружевное белье, но тут же осадила себя: «Как тебе не стыдно. Милый, добрый Денисов сейчас, наверное, готовит очередной научный доклад и смотрит на твое фото в

рамочке, стоящее у монитора компьютера, а ты тут пребываешь в настроении а-ля “Девять с половиной недель”. Спать, срочно спать – окончательно и бесповоротно».

Она повернулась к стенке купе и не могла видеть, как смотрит на ее оголившееся плечо архитектор Монтиньяк.

* * *

Вопреки пожеланию ночь оказалась совсем не спокойной. Катя проснулась в крошечной тьме и под одеялом, чтобы не разбудить француза, включила дисплей на телефоне: 03.15.

Болела голова, хотелось пить, но самое главное – предательски поднывал низ живота. «Да что ж такое-то, будто сглазил кто, – подумала она. – Этого мне только не хватало раньше времени».

Она тихонько встала, взяла сумку и вышла из купе. К счастью, средства гигиены у нее с собой были.

Вернувшись, она притворила дверь и снова легла, поджав ноги. Укрываться не стала, казалось, что в купе очень душно, хотя она отдавала себе отчет, что система вентиляции работает исправно. Скорее всего, у нее поднималась температура, как всегда в такие дни. Хуже всего, что не было обезболивающего или хотя бы но-шпы.

Катя постаралась заснуть, но тщетно. Вернулось чувство тошноты, ладони и лоб стали влажными. Она понимала, что ничего страшного не происходит: просто перенервничала и

переутомилась в последние сутки, почти не спала и толком ничего не ела, а тут и положенное природой нездоровье подоспело. От этого не умирают.

Однако к доводам разума примешивалось какое-то чувство или чутье, а может, самовнушение, крепшее с каждой минутой – она словно видела чье-то око, глядящее на нее из темноты, из ниоткуда. Оно не было похоже на застывший глаз Анны из дневного кошмара, потому что внимательно и вполне осознанно следило за Катей и будто помогало мышечной боли выкручивать ее тело изнутри.

Она опять с надеждой глянула в телефон, но он показал ей всего лишь 03.50. Поезд прибывал в Москву около одиннадцати часов утра. Это время казалось недостижимым, как горная вершина.

Катя полежала еще минут десять, хотя прекрасно знала, что нарастающую боль унять не получится, в конце концов, она – не йог, умеющий уговаривать плоть. Бесшумно встав, она снова вышла из купе и пошла к проводнику, который, скорее всего, спал в столь поздний час. Превозмогая стыд и неудобство, она постучала в дверь его купе. Он тут же открыл дверь, в своей безупречной форме, показывающей, что и ночью он при исполнении.

– Что угодно, мадам?

– Извините, что побеспокоила. Нехорошо себя чувствую. У вас нет обезболивающих таблеток?

– Конечно, в каждом вагоне имеется аптечка. Я сейчас по-

кажу вам все, что есть, и вы сами выберете то, что требуется.

Катя была благодарна за деликатность, поскольку боялась обычного в таких случаях вопроса: «Что у вас болит?»

Если честно, к этому моменту у нее болело уже все, а желудок, так некстати посреди ночи вспомнивший о еде, посылал отчаянные сигналы в виде рези под ложечкой. Прав Денисов: вечно забывая нормально поесть, а потом перекусывая, когда-нибудь она точно заработает себе гастрит и будет глотать «кишку», которой он ее неизменно пугал как самым страшным наказанием.

Она выбрала таблетки со знакомым названием – в России совсем недавно начали продавать такие же спазмолитики, купила у проводника пакетик сока и упаковку печенья, чтобы не принимать лекарства натошак.

Перед тем как уйти, спросила:

– Тот парень, что попал под поезд... он сам бросился или несчастный случай?

– Это полиция установит. В той деревушке есть станция, но скоростные поезда на ней не останавливаются. Говорят, он был совершенно невменяем и вроде ждал местный пассажирский на Берлин. Не принимайте близко к сердцу, это всего лишь какой-то наркоман. Такие, как он, все равно хорошо не заканчивают.

Катя выпила сок и съела несколько печений, стоя у окна в коридоре, затем проглотила сразу две капсулы импортного лекарства, еще раз зашла в уборную, умыла лицо холодной

водой. Вернулась в купе и снова легла, приняв позу эмбриона.

Экран телефона показал 04.30. Француз крепко спал, грудь его мерно вздымалась под пледом. Огни маленьких станций, мимо которых они проезжали, не останавливаясь, выхватывали из темноты его лицо.

Сон никак не шел, хотя Катя усердно лежала с закрытыми глазами и перебирала в уме дела, которые надо сделать по приезду. За время ее отсутствия в Москве их накопилось достаточно. Встречать ее будет штатный водитель агентства Толик, он отвезет ее домой в Большой Гнездниковский, может, она еще застанет дома Соню – в конце семестра у них уже какое-то свободное расписание. Она примет душ, позавтракает и сразу поедет на работу. Нет, лучше позавтракать уже на работе, чтобы не терять время.

Весь грядущий день представился ей похожим на недельное расписание уроков – у Сони в начальной школе было такое: каждый день разлинован и помещен в свое окошечко. А у нее такая неделя пролетит за шесть рабочих часов, ибо каждый час по насыщенности действий равняется дню. Если каждый час считать за день, то сам день... Перед глазами Кати замелькали квадратики, как вагоны уезжающего поезда, а она бежала за ними и старалась то ли сосчитать, то ли поймать, чтобы взобраться на подножку. Но квадратики не давались, вились змейкой, выписывали вокруг Кати загогулины и словно дразнили.

Боль в теле улеглась, но с головой творилось что-то неладное. Кровь билась в висках, и дышать становилось труднее. Катя устроила подушку повыше и помассировала виски. Она не спала, но ощущала себя в какой-то зыбкой мути, на волнах которой качалась, то проваливаясь, то выплывая на поверхность. Ей казалось, что кто-то наступил ей на грудь или положил большую тяжелую ладонь – и держит, давит, как могильный камень.

Откуда-то сбоку наплывало бледное лицо Анны, знакомое и незнакомое одновременно, левая сторона рта была перекошена, как от нервного тика, из-за чего казалось, что она гримасничает и тоже дразнит Катю, знает то, что Кате неведомо, и потому насмехается над ней. «Аня, Анна, что случилось с тобой? Что я тебе сделала?!» – хотела крикнуть ей Катя, но не смогла, потому что опять как будто ушла под воду, но не морскую, а в коричневую болотную жижу, затопившую купе.

Анна приложила палец к губам и улыбнулась знакомой, родной улыбкой. Сониной улыбкой. Она была очень похожа на ее Соню, как же Катя раньше этого не замечала?!

Квадратики из Сониного расписания теперь плясали вокруг них обеих, а мимо шли какие-то люди – Катя не видела их, но слышала, – хлопали двери и металлическим противным голосом что-то вещала какая-то тетка.

– Екатерина, *pardonnez-moi*², – Оноре де Монтиньяк снова слегка дотрагивался до ее плеча. – Мы приехали. Москва,

² Извините меня (*фр.*).

Белорусский вокзал. Вас встречают?

– Приехали? Как? Уже одиннадцать?

Кате по-прежнему было трудно дышать, и что-то дрожало внутри. Она встала, но ту же схватилась рукой за стол.

– Вы так крепко спали, я не будил вас. Так за вами кто-то придет?

– Да...

– Давайте я помогу вынести вещи на перрон. У вас только этот маленький чемодан?

– Да...

Выйдя на перрон, Монтиньяк поставил чемодан на землю и подал Кате руку, собираясь что-то сказать. Но к нему тут же подошла высокая стройная девушка с темными вьющимися волосами. Не обращая внимания на Катю, она радостно приобняла его за плечи и на хорошем французском сказала:

– Добро пожаловать, месье Монтиньяк! Наконец-то! Пойдемте скорее, – она как пушинку подхватила его чемодан.

Солнце уже входило в зенит, на небе ни облачка, день обещал быть жарким. Катю снова повело, но схватиться было не за что. Она бы упала, если бы ее не подхватили мощные руки Толика, пробасившего где-то над ухом:

– А я уже и в вагон зашел, да купе перепутал, смотрю – нет никого. С приездом, Екатерина Александровна!

– Что-то мне совсем нехорошо, Толя. Далеко машина?

– Нет, прямо напротив входа, на платной стоянке. Вы за меня хватайтесь, а я чемодан возьму.

Катя взяла его под руку. Скорее даже повисла, как тонкая лиана на могучем баобабе. Толик был огромен и добродушен, как все великаны, и служил предметом воздыханий юных сотрудниц агентства.

Катя посмотрела по сторонам в поисках француза, она хотела поблагодарить за заботу и хорошую компанию, но увидела лишь его спину. Оноре де Монтиньяк уходил по перрону в сопровождении брюнетки, которая держала его под руку.

* * *

В машине Катя открыла окно и глубоко вздохнула. С ней творилось что-то странное. Присутствуя здесь и сейчас, все видя и осознавая, она временами будто проваливалась в какую-то яму, и это не было сном.

– Может, в больницу? – сочувственно спросил Толик.

– Нет, не надо больницы. Я лучше потом сама врача вызову, если не полегчает. Мне надо на свежий воздух и выспаться. Толя, вези меня на Николину Гору. Оттуда поедешь в офис и скажешь, что я день отдохну с дороги. Если будут важные документы на подпись, вечером привезешь. Но лучше все на завтра...

К счастью, утром буднего дня выезд из Москвы свободен. К тому же на Рублевке они попали в зеленую волну светофоров. Ветер трепал Катины волосы. Ей казалось, что она

летит или качается на гигантских качелях. Вот они свернули в поселок. В раскрытое окно доносился аромат сирени.

В этом поселке Катя всегда вспоминала детство. С мая и до конца лета бабушка снимала у подруги две комнаты в старом большом доме на станции «Удельная». Маленькая Катя обожала гонять по дачному поселку на велосипеде. Повсюду благоухали цветы, но начиналось это буйство цветения именно в мае – с сирени. В начале лета тонкий запах сирени сменялся пряным ароматом раннего чубушника, который в Москве за схожесть соцветий принято называть жасмином. Его белоснежные цветы благоухали и привлекали деловитых пчел. Через пару недель зацветал чубушник земляничный, который Катя обожала. Проезжая на велике мимо чужих участков, она чуть ли не каждый вечер привозила бабушке замысловатый букет из чубушника, ирисов и дельфиниумов. А потом появлялся лилейник-красоднев, флоксы и белая гортензия взрывались салютом прямо на обочине дороги. Северная улица, 1-й Северный проезд, Садовая, 2-я Северная, Полевая, Солнечная, Песочная складывались для нее в одну зеленую ленту. Как же любила Катя это жесткое велосипедное сиденье, эту свободу. Она представляла себя в открытом море на огромной белоснежной яхте, и ветер трепал ее развевающиеся волосы.

– Приехали, – донеслось до нее издалека.

Толик открыл дверцу машины и подал Кате руку. Она встала, но ноги опять подкосились. Уже второй раз за день

он поймал ее и теперь растерянно поддерживал, не зная, что делать дальше.

– Так не пойдет, Екатерина Александровна. Присядьте пока обратно в машину и дайте мне брелок от ворот. Я подгоню машину к крыльцу и помогу вам войти.

Катя послушно повиновалась.

– Там еще код для снятия сигнализации... Наберешь один-два-три-четыре-пять. И ключи от дома, вот, возьми.

Когда они подъехали к крыльцу, Толик взял ее на руки, как пушинку, и поднялся по лестнице в дом, двери которого были предусмотрительно распахнуты.

– Куда? – шумно выдохнул он в прихожей.

Катя махнула рукой в сторону гостиной, где стоял широкий диван.

– Екатерина Александровна, вы как хотите, а надо «Скорую» вызывать.

– Толенька, у меня есть знакомый врач. Я ему сейчас позвоню, он приедет. Лучше принеси мне стакан воды с кухни. Иди до конца коридора и направо, можешь прямо из крана налить, там фильтры.

Толик вернулся и протянул Кате стакан.

– Вы еще не позвонили?

– Позвоню обязательно, ты поезжай. В офисе скажи, завтра буду. Я позвоню тебе заранее, когда меня забрать.

– Может, вам форточку открыть? – покосился он на зашторенное окно.

– Не надо. Я потом забуду закрыть. Специально весь дом обошла перед отъездом и все закрыла. Тут и так прохладно. Ты лучше проверь еще раз, все ли закрыто, пройди по первому этажу, пожалуйста, чтобы мне спокойнее было.

Толик отправился в обход и, вернувшись в гостиную, отрапортовал:

– Полный порядок, Екатерина Александровна. Все шпингалеты проверил. Законопачено, как в подводной лодке. А вы бы это, пароль-то на дверях сменили, а то уж больно простой.

– Спасибо, Толя, сменю. Поезжай.

Когда он вышел, громко хлопнув дверью, Катя откинулась на подушках с восточным орнаментом. Гостиная в ориентальном стиле. Подушки, как и ковер на полу, с замысловатыми арабесками, кальян на журнальном столике и люстра со множеством подвесок из темного декоративного стекла являлись его частью. Все, как было при жизни Семена. Интерьер гостиной составлял исключение, остальные комнаты в доме являли собой пример сдержанного европейского дизайна.

«Интересно, понравился бы дом Оноре де Монтиньяку?» – подумала Катя и снова, как давеча, устыдилась своих мыслей. Только теперь уже по отношению не к живому Денисову, а к умершему Семену. Хотя наверняка он был бы рад тому, что известный французский архитектор по достоинству оценит его родовое гнездо. Но дело-то было не в до-

ме, а в том, что... «Он ушел и не обернулся, – оборвала себя Катя. – И я не приглашаю в свой дом посторонних».

К тому, что этот дом – ее, Катин, привыкать пришлось почти год. Ровно столько заняли формальности по оформлению внезапно появившегося у нее наследства. Общение с адвокатами так вымотало Катю, что иногда хотелось махнуть рукой и отступить, но каждый раз она вспоминала Семена. Он вновь брал ее за руку, как тогда, в госпитале «Ассута», и говорил угасающим голосом: «Я чувствую запах антоновки в саду на Николиной Горе». И что-то еще про подснежники: «Ты знаешь, что французы называют их снежными колокольчиками?» Этой весной она увидела на проталине недалеко от дома маленькие белые цветы. Тоска пронзила ее мгновенно – как молния, как сам первый весенний цветок, бесстрашно пронзающий снег: *perce-neige* – прокалывающий снег, вот еще одно его название. Катя присела, накрыла ладонью нежное, как будто невесомое соцветие, прошептала: «Знаю».

Вопреки всем препонам дом плыл, приближался к ней, как корабль приближается к родной гавани, и она ждала его, исполняя волю Семена: фамильный дом должен перейти в наследство его дочери, *их* дочери. Впрочем, Соня за все время переночевала в нем несколько раз, она предпочитала оставаться в московской квартире. Катя не обижалась: когда она была студенткой, ее тоже было трудно заманить тихим и размеренным дачным отдыхом.

Катя посмотрела в овал старинного большого зеркала в массивной деревянной раме, которое стояло напротив дивана. Отдавая дань воспоминаниям детства и не желая кардинальных перемен во внешнем облике дома, внутри Семен сделал его точной копией милых сердцу французских шале, и, возможно, копия превосходила оригинал.

Почти всю обстановку она оставила, как было при нем. Внесла только небольшие штрихи, как каждая женщина, осваивающая новую территорию. Подчас ловила себя на мысли, что таким странным образом она как будто строит их общий дом, совместный быт, которого никогда не было и не могло быть с глубоко женатым мужчиной, как он говорил про себя...

* * *

Ей становилось лучше, но тошнота снова подкрадывалась к горлу, и теперь, не стесненная чужим присутствием, Катя даже два раза сходила в туалет, но тщетно. Словно какая-то слизь обволокла ее нутро, но никак не хотела выходить наружу.

Наконец она взяла трубку, чтобы позвонить Денисову и отвлечь светило Института «Скорой помощи» имени Склифосовского от дел.

– Миша, добрый день.

– Ты вернулась? – Когда Денисов находился на работе, то

всегда спешил, а потому говорил быстро, будто на бегу, и складывалось ощущение, что отрываешь, мешаешь, не вовремя. Именно поэтому Катя не любила ему звонить и предпочитала ждать, пока он позвонит первый. Чаще всего ждать приходилось долго.

– Только что с поезда. – Подчиняясь его ритму речи, и она начинала частить, торопиться и в итоге сбивалась, чувствуя себя еще более неловко, будто просила чего-то ей не полагающегося. – Я себя чувствую неважно. Тошнота, слабость, ноги подкашиваются и дышать трудно... Еще вчера все началось. Не пойму, то ли отравление, то ли давление.

– Ты же вроде никогда не жаловалась на давление.

– Ну да, вот и говорю, не пойму...

– Ты где?

– У себя, на Николиной. Решила отлежаться день.

– Надо было позвонить и сразу ехать ко мне в больницу. Мы тебя тут поисследовали бы, – это словечко было одним из его любимых, Катю оно заставляло чувствовать себя экспонатом, спасибо, что не анатомического театра.

– Миша, ты же знаешь, я больниц не люблю. Думала, обойдется...

– Так, давай по порядку. Что ты вчера ела с самого утра?

– Ничего. Вернее, погоди, кофе и круассан в кафе перед отходом поезда. Там случилось несчастье с моим клиентом. Потом расскажу. Я перенервничала и совсем не хотела есть.

– Что ела днем?

– Ничего.

– В поезде не оказалось вагона-ресторана?

– Да наверняка был, но я проспала полдороги и потом...

– Что потом?

– Когда мы ехали, тоже случилось несчастье.

– Так, Суворова, самое главное несчастье, на мой взгляд медика, в том, что ты забываешь вовремя питаться. Это я помню с первого дня знакомства с тобой, когда откармливал бутербродами, – голос Денисова потеплел. – Катюша, ну нельзя же так. Сколько раз я тебе говорил, что, несмотря на переживания, эмоции, занятость, у человека должен быть завтрак, обед и ужин. Ты сама доводишь себя до истощения – нервного и физического.

– Но я проснулась ночью и поела.

– Ночью? Отлично. Так ты все-таки дошла до вагона-ресторана?

– Нет, я купила у проводника сок и печенье.

– Перекус студента, понятно. Проводник не удивился?

– Нет, я ведь пришла к нему за таблетками.

– Та-а-ак, а вот это что-то новенькое. И что за таблетки тебе дал проводник?

– Я сама взяла, из аптечки. Обычный спазмолитик.

– Для чего тебе среди ночи понадобились таблетки?

– Для того же, что и остальным женщинам... Денисов, не вгоняй меня в краску!

– Хорошо, док все понял. Как они назывались?

Катя сказала название таблеток, активно рекламируемых по телевизору и продающихся в каждой аптеке.

– Там были и другие, вроде того же действия, но импортные, у нас их не встретишь. Но я-то специально выбрала те, которые знаю и уже принимала, – отчиталась она как ученица.

– Это были таблетки с таким наименованием отечественного производства или зарубежного?

Катя попыталась припомнить.

– Импортные, точно. Французские вроде. По-русски на упаковке не было написано.

На том конце провода раздался стук клавиатуры.

– Катя, – через секунду вкрадчиво сказал Денисов, – а коробочка какого цвета была, голубенькая или зеленая?

Катя нахмурила лоб.

– Голубая, точно. А что?

– И сколько штук ты выпила?

– Ну две, как обычно, чтобы быстрее подействовало. По инструкции взрослым максимум две можно.

– Можно две – по двести пятьдесят миллиграмм, Катя! А то, что в голубой упаковке импортного производства, содержит тысячу миллиграмм действующего вещества в одной капсуле! Их применяют в стационаре и дают больным после операций для снятия сильного болевого синдрома, под наблюдением врача. А ты выпила две! Это все равно как если бы тебя попросили купить квартиру в пятьдесят квадрат-

ных метров, а ты купила пятьсот квадратов! Разницу чувствуешь? Как вообще они оказались у этого олуха-проводника. Ты понимаешь, что во сне у тебя могло остановиться сердце? Отсюда симптомы отравления, сонливость и спутанность сознания. Ну что ты как маленькая, неужели не понимаешь, что, кроме названия, на дозировку смотреть надо?! Сколько прошло времени с момента приема?

– Я не знала... Они так же назывались... Часов десять...

– Что же ты таблетки сразу глотаешь, не посмотрев...

– Я не знала, – всхлипнула Катя. Сейчас ей больше всего хотелось, чтобы ее гладили по голове и жалели, а не отчитывали.

– Считай, что тебе повезло. Острый период наступает обычно быстрее, и, судя по всему, ты его миновала. Активированный уголь есть?

– Да.

– Значит, так. Пять-семь таблеток угля, обильное питье. Можно заварить крепкий чай и съесть сухарик. Куриный бульон или рис тоже к вечеру можно. Может, за тобой прислать и привезти в больницу? Мы тебя тут прокапаем, сразу легче станет.

– Н-н-нет, а ты сам не приедешь?

– Катюша, сегодня очень, очень важная операция. Никак! Прими уголь и побольше пей, чтобы вывести метаболиты из организма. Если что, звони. Договорились?

– Договорились, – сказала Катя упавшим голосом.

– Я тебя люблю.
– Я то... – откликнулась Катя.
– Я здесь. Бегу, бегу, – крикнул кому-то Денисов.
– ...же, – ответила она в уже пульсирующую короткими гудками трубку.

* * *

Несмотря на эти скомканно и не единожды произнесенные слова, каждый раз после разговора с Денисовым ей казалось, что они не сказали друг другу самого важного, и так уже целый год. А есть ли это важное?

«Нет уж, вот об этом я точно подумаю завтра», – решила про себя Катя. Жизнь научила ее быть полностью согласной со Скарлетт О'Харой.

Она пошла на кухню, достала из ящика стола упаковку активированного угля: пять таблеток, не ошибиться. Вернулась в гостиную, полежала. Сон не шел, но спирающее грудь чувство отпустило. Одно то, что она теперь знала рациональную причину недомогания, успокаивало.

Спохватившись, что так и не переоделась с дороги, Катя сходила в душ, а после надела легкое льняное домашнее платье свободного кроя с узорами по подолу. Сделала себе крепкий чай с сахаром и вышла на крыльцо.

Май и в Москве выдался по-летнему жарким, даже знойным. Природа будто авансом выдавала тепло, что, конеч-

но, настораживало, ведь такие непривычные щедроты вполне могли означать прохладное лето.

Прямо у крыльца росли пышные кусты сирени. Ее гроздья тяжело свисали с веток, цветение было в разгаре. С самого детства она любила сирень и каждый год, проезжая весной мимо метро, специально останавливалась и покупала у бабулек охапки. Теперь у нее была собственная «сиреневая плантация», как она ее окрестила. Кусты сирени разных сортов, высаженные в ряд, образовывали перелив сиреневых оттенков: от бледного, почти белесого, до темного, уходящего в фиолетовый. Особняком росла белая сирень.

Глядя на сиреневый ковер, Катя вспоминала лавандовые поля Прованса и Семена за рулем гоночного автомобиля с открытым верхом. Вспоминала и – была счастлива, потому что все это было в ее жизни, осталось в памяти, и в любую минуту она могла туда вернуться, посмотрев на сирень.

В городе сирень уже кое-где отцветала. В этом году Катя впервые обратила внимание на то, как уродливо смотрятся ее высохшие, побуревшие, словно ржавые, соцветия. Наверняка так было и в ее детстве, ведь цветение всегда заканчивается одинаково, но она этого не замечала раньше.

Она села на верхнюю ступеньку крыльца – так же они сидели летними вечерами с бабушкой. Облупившаяся и выгоревшая серая краска старого дачного дома пузырилась и лопалась. Казалось, что дом, как и не послушавшая бабушку и весь день прогулившая с открытыми плечами Катя, просто

обгорел на солнце.

Катя любила подцепить высохшую, слезающую лоскутами краску и сжать в ладони. Получался серый песок, которым она рисовала математические формулы на черной мокрой земле, а потом бежала в дом и уже в тетради в клеточку заканчивала решать задачку.

Отопления в дачном доме не было. Когда они только приезжали, вся постель пахла сыростью после зимы. Для того чтобы вернуть тепло в отвыкшие от присутствия дачников комнаты, бабушка включала масляные электронагреватели. Одежда и подушки они сушили прямо на крыльце, предоставляя уже по-летнему жаркому солнцу справляться с этой работой.

Затевали генеральную уборку – «гениальную», как говорила сама Анна Ионовна. Их две комнатки, да и весь дом в целом, становились по-настоящему жилыми. Затем каждое утро после завтрака бабушка мела дощатый пол большим золото-ржавым веником почтенного возраста, а потому совершенно лысым.

Ежедневная уборка представлялась Кате настоящим ритуалом. Мусор бабушка сметала на газетку. Совка в доме почему-то не было. Потом она брала с веревки маленькую байковую тряпочку. Эту тряпочку темно-синего цвета в мелкий розовый цветочек, кусок старого халата, Катя помнила по сей день. Халат был чьим-то чужим, не бабушкиным. Анна Ионовна не признавала халатов и, где бы ни находилась, все-

гда выходила к завтраку в блузке и юбке ниже колен. Даже домашние тапочки носила на невысокой танкетке. Серебристые волосы всегда аккуратно причесаны и заколоты. Дачную жизнь Анна Ионовна не считала исключением из правил.

Тряпочкой бабушка подхватывала остатки мусора и смахивала в ведро. Потом стирала ее и снова вешала сушиться. Катя помнила все до мелочей, будто это было только вчера.

Впереди простиралось целое лето – восхитительно долгое, сладостно тягучее, как конфеты «Коровка», ломкие снаружи и карамельно-вязкие внутри, за которыми Катя бегала в поселковый магазин. Кате даже фантик нравился: стоит такая беззаботная корова на белом фоне, под ногами корм – зеленая травка. Правда, осенью всегда казалось, что пролетело лето быстро, как мигом проглоченная конфета, и надо было ждать следующего, которое хорошо тем, что всегда к нам приходит, что бы ни случилось.

В августе начинались бесконечные летние дожди. Когда показывалось солнце, Катя до изнеможения играла в бадминтон с соседской девочкой-ровесницей, которая занималась конькобежным спортом. Спортсменке доставляло удовольствие гонять Катю как сидорову козу. Видя, что она не сдается и иногда даже делает удачные удары, спортсменка злилась и метко посылала волан в гущу крапивы. Катя в трикотажном коротком платье отважно отправлялась за воланчиком, хотя крапива нещадно жгла голые ноги, оставляя

красные пятна и волдыри. Но Кате удавалось скрыть подступающие слезы, и они снова играли...

Теперь она часто вспоминала детство – здесь, в доме на Николиной Горе.

Перед тем как вернуться в дом, Катя еще раз оглядела кусты сирени. Через две недели она собиралась пригласить садовника, чтобы привел в порядок кусты, почистил небольшой пруд. Что, если дать ему задание обрезать похожие на ржавчину сухие соцветия? Ее беспокоила эта неминуемая ржавчина вместо любимых цветов, которая словно символизировала увядание и тлен после быстрого цветения.

Катя бережно отломилла три веточки сирени, чтобы аромат стоял и в доме. Спрятала в них лицо и пообещала себе, что не даст непонятно откуда взявшейся тревоге, как ржавчине, разьесть ее жизнь.

* * *

В гостиной Катя села за круглый стол, покрытый тканой скатертью с изящным кружевом понизу, и взяла в руки фотографию: они с Соней год назад, на школьном выпускном. Мать и дочь, но не знай этого – две сестры, старшая и младшая.

Катя держала в руках эту фотографию в тяжелой рамке и в который раз удивлялась, как неисповедимы – или предсказуемы? – пути природы. Вроде Катины у дочери черты, а

все равно, как в причудливой мозаике, складывается из этих черт живущий в ее памяти облик Семена. Что-то упрямое, своевольное и непокорное сквозило иногда в этом взгляде исподлобья, и одновременно таким по-детски беззащитным он был. Девочка-оленок, девочка-волчок – и все это одна девочка, ее Соня.

По правде сказать, Сонино взросление беспокоило ее больше, чем она могла даже себе в том признаться. Ее девочка в платьицах с кружевными воротничками, которая совсем недавно – для матери все как вчера – тянула пухлую ладошку, чтобы идти в школу за руку, сначала превратилась в худощавого подростка, предпочитающего рваные джинсы и растянутые майки, а потом – в модельной внешности стройную девушку. Да еще этот фамильный взгляд Семена, словно говорящий: стоп, я тебя люблю, но дальше – моя территория, и только я тут хозяин.

Как никто другой, она знала этот взгляд, который ловила даже в разгар самых бурных ласк, когда обвивала руками его плечи и казалось, что ближе, чем они стали друг другу, не может быть на свете. Даже проводя кончиками пальцев по его закрытым векам, она знала, как он в следующую секунду посмотрит на нее – бесконечно близкий и бесконечно далекий. Теперь Соня, спустя почти два десятилетия, переняла эту эстафету. Собственная дочь, рожденная от чужого мужа, как будто тоже становилась чужой...

Катя вспомнила, как во время беременности, глядя на ре-

зультат ультразвукового исследования, доктор сказала: «Вот уже и плечики видны у нашей девочки». На выпускном фото легкое платье на бретельках не скрывало, а, наоборот, подчеркивало хрупкие плечи молодой девушки. Да у нее и ключицы выступали как у маленькой.

Сердце Кати сжалось от безграничной нежности и смутной тревоги, которая появляется у каждой женщины одновременно с рождением ребенка, но не каждой осознается, а бывает и так – дремлет до поры до времени. До поры, когда надо разжать свои пальцы и выпустить подросшую ладошку в большой мир. До времени взросления.

Она взяла телефон и набрала номер Сони. На этот раз гудки длились недолго, дочь как будто ждала ее звонка.

– Привет, мам! Ты что, сразу на работу поехала? Я тебя дома жду-жду!

– Сонечка, я плохо себя почувствовала в поезде, и водитель отвез меня на Николину... Если у тебя сегодня нет учебы, может, приедешь? Я соскучилась!

– Мама! – Голос Сони задрожал. – Ну какая Николина, у меня же нет машины, чтобы тащиться туда. Я тебя жду, потому что мне деньги нужны. В кредитку залезать не хочется, с нее же наличные только под большой процент снять можно.

– погоди, разве тебе не хватило тех денег, которые я оставила на две недели?

Соня шумно вздохнула.

– Представляешь, оказалось, что по истории и основам

мировой культуры учебники надо покупать перед экзаменами, а они такие дорогие! Ну и, если честно, я еще маникюр с педикюром в дорогом салоне сделала. Не рассчитала...

— Ты хоть там голодной у меня не сидела? — забеспокоилась Катя. — Позвонила бы, я бы перевела тебе на карточку, или к бабушкам заехала.

— Да я думала, что дотяну до твоего приезда...

— Хорошо, приезжай на Николину и как раз возьмешь деньги.

— Мама, что ты заладила со своей Николиной. У меня дела в городе!

— Тогда пройди в мою комнату и открой второй сверху ящик комода, там есть наличные, их тебе должно хватить. Не клади трубку, иди посмотри.

Через пару минут Соня откликнулась:

— Хорошо, но мне еще взнос надо сделать.

— Какой взнос, куда?

— У нас девочка на курсе заболела, представляешь, у нее рак, и мы собираем на лечение в Израиле. Мама ее одна растила, у них нет таких денег.

— О господи, Сонечка, какой ужас! Ну что же ты мне ничего о своих делах не рассказываешь... Обычно в таких случаях, когда собирают деньги, открывают расчетный счет. Ты его знаешь? Я могу перевести на этот счет с банковской карты.

— Не знаю, нет пока никакого счета. Мы так ее маме от-

носили.

– Хорошо, завтра, надеюсь, мне полегчает, и я тебе привезу. Сделаешь так, как удобно.

– Спасибо, ну я пошла.

– Соня, если у тебя возникают какие-то проблемы, говори мне о них, пожалуйста. Ты же знаешь, я много работаю и не так часто тебя вижу, как хочется, но это не значит, что я не беспокоюсь о тебе!

Соня замолчала, как будто задумалась.

– Хорошо, не беспокойся, я в порядке.

* * *

Лунный свет заполнял комнату ровным свечением. Даже обычные предметы вроде настольной лампы и деревянного стула с высокой изогнутой спинкой казались исполненными особой значимости и даже таинственными. Лампа имела бронзовое основание в виде львиных лап, при неверном свете луны чудилось, будто они подрагивают и еле сдерживают себя, чтобы не двинуться по столу навстречу Катиному взгляду. Старинный стул напоминал трон – возможно, на нем сидела еще прабабка Семена, у которой, как слышала Катя, были цыганские корни и при этом дворянский титул.

Заснуть никак не удавалось. В детстве, когда сон не шел, Катя всегда считала бабочек – капустниц и махаонов, именно они были знакомы ей по даче на станции Удельная. Она

вспомнила, какие пируэты выписывали бабочки в ее фантазиях, как убаюкивали, уводили в страну снов.

Она попыталась призвать на помощь бабочек из детства, но они не захотели возвращаться, вместо них приползли тяжелые, как майские жуки, обрывки мыслей и воспоминаний. Дирк сжимает запястье Анны, Лена с безмолвным ужасом указывает на экран, Оноре де Монтиньяк уходит по перрону прочь, как будто не было у них полуночного разговора про литературу и архитектуру.

И еще кое-что беспокоило ее, в чем не хотелось признаться самой себе. В эту поездку в Берлине она впервые осознала, что мужчины стали меньше ею интересоваться. Этот до банальности обидный факт не ранил, но, как назойливый комар, постоянно вился и зудел на периферии сознания. Еще два года назад в Париже встречные мужчины улыбались ей и говорили комплименты, что совсем не характерно для французов, вовсе не являющихся такой любвеобильной нацией, как было принято считать в детстве после чтения «Трех мушкетеров». Аура внимания, которая обволакивает каждую сексуально привлекательную женщину, словно истончилась.

Она не замечала этого, а в Берлине осознала как-то разом как нечто непреложное, раз и навсегда свершившееся. Все очевидно, ведь даже Денисов играет роль коленопреклоненного рыцаря на расстоянии и не спешит к ней на романтический ужин со свечами, ведь даже Монтиньяк... ушел и не

оглянулся, чтобы вежливо проститься со своей попутчицей. Катя зажмурилась, словно собиралась с головой окунуться в холодную воду, и призналась самой себе: да, вот это последнее вонзилось в нее занозой.

Оставив тщетные попытки заснуть, она подошла к окну и отодвинула занавеску. Полная луна стояла в небе прямо напротив дома – величавая, холодная, молчаливая визави. Не поймешь, дружественная, враждебная или просто отстраненная. Луна и Катя стояли друг против друга, разделенные окном, бодрствующие в теплой майской ночи – одна по призыванию, другая по принуждению. Одна на небе, другая на земле.

И тут раздался резкий звук, похожий на стук захлопнувшейся от порыва ветра форточки.

Форточки были еще одним приветом от Семена. На окнах в доме стояли деревянные стеклопакеты, созданные по эскизам прежнего хозяина. Разумеется, старые рамы оставлять было нельзя, и Семен сохранил от них главное воспоминание – форточки. Где вы еще найдете стеклопакеты с форточками?

Катя прислушалась: звук не повторился, но то, что раздался он внутри дома, сомнений не вызывало. На первом этаже все закрыто. Может быть, на втором? Или упал какой-то предмет, или...

Она бесшумно подошла к двери спальни и снова прислушалась. Что, если все-таки воры? Наверняка тот, кто плани-

рует ограбление, заранее собирает информацию о владельцах, ведет слежку, в конце концов – действует по наводке. И если целенаправленно идет на дело в момент, когда в доме находится хозяйка, имеет самые кровожадные намерения. Хотя брать в доме, кроме памяти, нечего. Не будут же воры выносить и грузить диваны и кресла. Что касается денег, то было бы странным держать крупные суммы в загородном доме, хозяйка которого появляется не каждый день и использует это жилье скорее в качестве дачи.

«Бог не выдаст, свинья не съест», – вспомнила Катя любимую поговорку Семена. Звучит грубо, но ему она нравилась. Так он говорил, подписывая какие-то бумаги – разумеется, она никогда не спрашивала подробностей – и подмигивал ей, как бы беря в сообщники. Воспоминание о Семене придало силы. Черт возьми, она в его доме, в своем доме! В конце концов, чтобы преодолеть страх, надо на него пойти – так учат в детстве не бояться темной комнаты.

Катя открыла дверь и решительно, но бесшумно пошла в гостиную. По пути глянула в зеркало. В доме было много зеркал разного размера, они встречались в самых неожиданных местах. Больше всего ей нравились маленькие зеркала, висевшие между старыми семейными фотографиями: смотришься – и как будто ты уже там, с ними, твой портрет висит на стене.

На этот раз зеркало показало ей встревоженное бледное лицо и пышную копну волос, казавшихся в льющемся из

окон лунном свете тоже белесыми. Шелковая белая ночная сорочка почти до пят дополняла образ.

«Ни дать ни взять – привидение! – усмехнулась Катя. – Сейчас я бы сама себя испугалась».

В стенной нише коридора стояла массивная высокая статуэтка – бронзовый кот с неестественно вытянутой шеей. Подарок одного из клиентов на прошлое Восьмое марта. Пожалуй, это самое тяжелое, что попало ей на пути. Массивная голова кота была увенчана острыми ушами – отличное орудие для защиты и нападения. В кои-то веки подарили что-то действительно полезное!

Катя прислушалась к тишине и взяла кота за шею. Держа кота, как шпагу, в правой руке, левой толкнула дверь в темную гостиную. Тишина. Включила свет – никого.

Она обошла весь дом, включая свет, проверяя форточки. Поднялась на второй этаж. Заглянула под лестницу, на веранду, во все углы. Дом словно показывал ей каждую комнату, отчитываясь, как провинившийся школьник: тут пусто и тут ничего, не виноват я!

Вернувшись в гостиную с тем же бронзовым котом в руках, Катя подошла к круглому столу и замерла, увидев то, что стало причиной шума. Их с Соней фотография в массивной серебряной раме с изящной инкрустацией, очевидно по рассеянности поставленная ею на край стола, упала и лежала на паркетном полу.

Катя подняла ее и поставила обратно, сдвинув к цен-

тру стола. На стекле в правом нижнем углу Катя заметила небольшой скол, но решила не разбирать раму и не выбрасывать стекло. Рама была очень дорога Кате – Семен привез ее из ЮАР.

Соня по-прежнему улыбалась ей с фотокарточки и пристально смотрела немного исподлобья. С первого класса у нее все всегда было на пять, начиная с прописей в косую линейку и заканчивая поведением. Золотая медаль в английской гимназии, отличный аттестат в музыкалке. И на выпускной – Катя помнит – она собиралась как на экзамен: безупречно заколотые в высокую прическу волосы, элегантное платье, фасон которого выбирала гранд-дама их семейства, Сониная прабабушка Анна Ионовна, а шил ее знакомый модельер из Дома моды. Соня несколько раз ходила туда на примерку, а потом ее пригласил на показ один из молодых людей, работавший моделью.

– Тимур работает в Доме моды и здорово танцует, – сказала про него Соня.

– А учиться он когда успевает? – спросила Катя.

– Мамочка, он пока не учится, но это только пока! – уверенно сказала Соня. – Если бы ты видела его на подиуме... У него есть актерский талант!

– Главное, чтобы ты учебу не бросила, – ответила Катя тогда невпопад, скорее следуя своим мыслям.

– Ой, ну что ты себе в голову взяла! Хотя вот ты сама бросила аспирантуру и долго никому не говорила, мне Аня

рассказывала...

Аней она с детства называла прабабушку Анну Ионовну, а бабушку – Надей. Катя не узнавала свою строгую мать – никто и никогда не называл ее Надей, кроме давно пропавшего из их жизни мужа, Александра Суворова.

Надя то и дело снабжала Соню кулечками конфет, а то и купюрой «на личные нужды». Порой Катя даже завидовала дочери, поскольку не могла припомнить душевной теплоты матери по отношению к себе в детстве. Наверное, действительно внуков любят больше, чем детей, утешала она себя.

– Я и не отрицаю, что ушла из аспирантуры, но тогда время другое было! Тебе не представить... Одна страна развалилась, другая только появлялась. Перестройка, начало 90-х... Да и потом, я-то получила высшее образование, а науку бросила ради работы, и неизвестно, как бы мы сейчас жили, не сделай я тогда этот шаг. А вот если ты из Гнесинки вылетишь, Аня этого не переживет! Она столько сил в тебя вложила. И уж не знаю, как у Тимура, а у тебя точно талант, и его надо совершенствовать, а не... не... – Катя не знала, чем закончить, и неожиданно для себя добавила: – Не по показам мод ходить!

Сказала и тут же пожалела, услышав себя словно со стороны. Ей совсем не хотелось обидеть Соню, ведь на самом деле в модных показах нет ничего плохого, ведь не стриптиз же Соня ходит смотреть...

После осмотра дома сон как рукой сняло. Она пошла на

кухню, сварила себе кофе и сделала тост с сыром вопреки диетическим наставлениям Денисова, испытав при этом даже нечто похожее на удовлетворение от того, что поступила по-своему.

Кофе взбодрил ее настолько, что Катя решила включить ноутбук, проверить почту, которая наверняка накопилась за несколько дней, ведь в последний раз она отвечала на корреспонденцию еще в Берлине, до того как узнала о случившемся с Анной и Дирком.

Главное же – у нее не шла из головы Сониного однокурсника, которой требовались деньги на лечение. Ей даже представить было страшно состояние несчастной матери этой девушки, узнавшей о диагнозе дочери. Те несколько дней, что ей удалось провести с Семеном перед его смертью в госпитале «Ассута», запомнились Кате на всю жизнь – не только безмерным мужеством, терпением и любовью к жизни пациентов, но и глазами их родственников, полными бездонного отчаяния и бесконечной веры в спасение, вопреки всем прогнозам.

Катя достала тоненький ноутбук, лежащий в ящике секретера. Иногда она приезжала в дом на Николиной Горе не только отдохнуть, но и поработать в тишине, поэтому запасной компьютер с доступом в Интернет был тут нелишним. Она проверила почту, отправила вежливые дежурные письма партнерам агентства, мысленно посетовав на то, что все до сих пор предпочитают писать ей, тогда как добрая поло-

вина ответов была в прямой компетенции секретаря.

Мысли о несчастной девушке не отпускали Катю. Одним кликом она пробудила ото сна свою страницу на «Фейсбуке», где бывала не так уж часто, но которой, как все интеллигентные москвички, конечно же, иногда пользовалась. В последние годы она отмечала интересную тенденцию: иногда даже крупные клиенты, минуя формальное обращение в агентство и воспользовавшись рекомендациями, находили ее профиль в «Фейсбуке» и просили заняться вопросами с недвижимостью. Поначалу Катя с осторожностью относилась к таким заявкам, но после нескольких удачных сделок признала их пользу. В конце концов, клиент всегда прав, и, если клиенту удобнее написать специалисту по недвижимости в мессенджере, его желание – закон.

Сейчас Катя думала не о работе, а о том, что наверняка Соня и ее друзья ведут сбор средств и в Интернете. Узнав о беде, даже незнакомые люди могут оказать посильную помощь – это известно каждому пользователю социальных сетей. Ей вдруг захотелось выяснить о той девушке больше, может быть, написать слова поддержки.

Со своей страницы она перешла на страничку Сони, которая, разумеется, была у нее в друзьях. Еще одна примета времени, не отменяющая извечную проблему «отцов и детей», но придающая ей некий свойственный веку информационных технологий колорит. Родители и дети являются друг другу «друзьями»: первым это помогает контролиро-

вать вступившее в трудный возраст чадо, вторым – говорить и чувствовать себя с «отцами» на равных, по крайней мере в виртуальном пространстве. Эта мысль промелькнула у Кати в одно мгновение, пока открывалась страница Сони.

Промелькнула и как бы зависла, сорвалась и полетела куда-то в пропасть.

Соня Суворова сейчас # в чудесном настроении

С размещенной несколько часов назад стильной черно-белой фотографии на нее смотрела Соня – в джинсах и белой футболке, на тыльной стороне левой руки красовалась надпись: My dreams come true.

Глава 3. Мечты

О том, что мечты всегда сбываются, знает каждый взрослый человек, хотя правильнее сказать – зрелый. Но, к сожалению, очень часто, когда они сбываются, мы уже забываем, о чем мечтали, и потому в суете повседневности не можем оценить всю красоту этого непреложного закона Вселенной.

Мальчик хотел велосипед, но у родителей не хватало денег – десять лет спустя он сам заработает на последнюю модель спортивного велосипеда. Вспомнит ли мальчик о своей мечте?

Скромная, неприметная школьница мечтала, чтобы на нее хотя бы раз взглянул лучший в классе парень, неважно, что он двоечник. Став через десять лет «Мисс Москва», взглянет ли она в его сторону на встрече одноклассников, если даже придет на нее? У любви свои законы, и Вселенная их одобряет – она взглянула бы, но и он не придет: что делать ему рядом с королевой красоты, когда и в школе-то не смел подойти к отличнице? Через год или годы они все-таки встретятся где-нибудь в Майами, а может, в кофейне на Садовом кольце. Только бы не забыли, о чем мечтали.

Если ты хочешь любви, она обязательно к тебе придет, если мечтаешь о счастье для своего ребенка – сбудется. Главное, чтобы и он о нем мечтал, ведь в какой-то момент родители перестают быть ответственными за мечты своих детей.

Катя откинулась на заднее сиденье автомобиля и прикрыла глаза. Сбывающиеся мечты в полудреме казались ей камнями, летящими с горы и неминуемо настигающими своих создателей и адресатов. Вызванный ни свет ни заря Толик, как ни странно, был тих и не лез к ней с глупыми расспросами. Он, как верный пес, почуял, что хозяйку – так он называл Катю про себя – сегодня лучше не трогать.

Дорога в Москву в начале седьмого утра почти пустая, ехали без пробок. Катя надеялась немного подремать в пути. Сказать, что она не выспалась, было нельзя, потому что она и не спала: ворочалась, вскакивала и зачем-то подходила к окну, ей все казалось, что в комнате не хватает воздуха, снова ложилась и вскакивала, словно ее кололо что-то невидимое.

Раз за разом она прокручивала в памяти недавний – всего каких-то пару часов назад – разговор с Соней. Обычный разговор. Конечно, если не считать известия о заболевшей однокурснице. На фоне такого диагноза меркнут все собственные житейские невзгоды, и даже странная татуировка на руке дочери кажется сушей ерундой.

Катя успокаивала себя, но память опять и опять возвращала ей тонкую, словно фарфоровую, руку, закатанный рукав кашемирового свитера и точно такую же татуировку. Анна... Она видела эту молодую женщину всего один раз в жизни, ее смерть – ужасная и необъяснимая – была всего лишь смертью постороннего человека. «Увидеть Берлин и умереть», – сказала ей Анна, конечно, в шутку: она улыба-

лась, Дирк сжимал ее руку, надпись на которой утверждала то же, что и Сониная татуировка: My dreams come true.

Как только стрелка будильника с классическим круглым циферблатом и вытянутыми римскими цифрами показала время, приличное для самого раннего звонка – половина шестого утра, Катя набрала номер Толика и попросила приехать за ней как можно скорее. Он обещал домчать за полчаса и не подвел, поэтому его и держали столько лет в агентстве, несмотря на то что раз в полгода Толик имел обыкновение уходить в запой ровно на неделю и даже предупреждал о грядущем «отрыве». Эту неделю Катя засчитывала ему в отпуск, тем более что из планового запоя он возвращался без опозданий и, как положено отпускнику, с тортиком. В остальное время Толик был безупречным работником и опытным водителем.

Жемчужно-серый «Мерседес» представительского класса ехал плавно, как большой корабль. «Это обычных людей встречают по одежке, а директора агентства недвижимости встречают по машине», – пошутила Катя перед его покупкой. Толик гордился машиной и относился к ней бережно, как к своей, что стало еще одним поводом терпеть его плановые «отпуска». Он натирал авто до блеска, даже капли дождя стирал специальной тряпочкой, была бы его воля, он бы вообще никого, кроме Кати, в машину не сажал. «Натопчут, а мне потом все коврики вымывать», – ворчал он, как уборщица в присутственном месте.

Катя сонно приоткрыла глаза и увидела старушек, которые, несмотря на ранний час, продавали охапками сирень всех мастей: и самую простую сиреневую, и «шоколадную» с грязно-розовыми пышными соцветиями, обычно благоухающими так, что казалось, будто кто-то открыл советские духи. Взгляд выхватил одну женщину, и Катя поняла, что та ненамного старше ее самой. Почему нам кажется, что дачные цветы и букеты сирени продают непременно старушки?

– Толик, останови, пожалуйста.

Машина плавно притормозила и съехала на обочину. Дав задний ход, медленно подкатила к замеченной Катей женщине.

– Три букета, пожалуйста! – попросила Катя.

Женщина, обрадованная первой покупательнице, стала поспешно выбирать для Кати самые пышные связки сирени. Она была одета очень скромно, но опрятно. Возле глаз сеточкой расходились морщинки – «гусиные лапки». Потухший взгляд и немного виноватая улыбка делали ее действительно похожей на старушку.

Катя протянула купюру и отказалась от сдачи.

– Удачного дня, храни вас Бог! – сказала женщина нараспев, как говорят прихожанки в церквях.

В машине, положив букеты на колени, Катя вспомнила, что бабушка не любила ни «Белую сирень», ни «Красную Москву», ей всегда кто-нибудь привозил духи «Diorissimo» из заграничной командировки. Маленькая Катя потихоньку

брала этот миниатюрный пузырек с крышечкой и аккуратно, боясь разлить, капала всего одну капельку на свой батистовый платочек, а потом весь день доставала и нюхала ландышевый аромат. Это была ее тайна. Она знала, что бабушка и так разрешила бы ей пользоваться духами, но Катя не хотела их расходовать, только капельку.

Неожиданно машина резко вильнула вправо, на обочину. По встрече неслась «Скорая помощь» с воющей сиреной. Катя вздрогнула, вспомнив поезд и человека на путях – не увиденного, но оттого еще более страшного, дорисованного воображением. Ей снова стало нехорошо – от воспоминаний и от того, что она, как всегда, не позавтракала. Желудок сжался мучительным спазмом, тошнота окольцевала горло, липкая испарина покрыла тело.

Тот, к кому мчалась «Скорая», тоже хотел, чтобы его мечты сбылись. Как Анна, как незнакомец на путях, как Соня, как она сама, как каждый человек на Земле. Значит, это общее, самое универсальное желание. *My dreams come true* – объединяющая всех фраза, в которой нет никакого двойного дна.

Может, так называется книга какого-нибудь очередного модного автора? Ведь выпрыгнула с обложки романа Милана Кундеры фраза «невыносимая легкость бытия» и пошла гулять по миру... А может, это строка из популярной песни? Почему бы и нет, очень похоже на правду. Как ей не пришлось в голову проверить это сразу в Интернете.

– Толя, а ты не знаешь, какая сейчас самая модная песня у молодежи?

– «Орназ ста»! – с готовностью ответил Толик.

– Что-что? Это на каком языке?

– Да на английском, – и Толик фальшиво, но с удовольствием напел первую строчку.

– Поняла, – рассмеялась Катя. – Это «Гангам стайл».

– А я как сказал? – с недоумением спросил Толик.

Незнание английского языка компенсировалось тем, что радио в машине он слушал не просто часто, а всегда. Исключение составляли только поездки с Катей, она предпочитала тишину. Отдельных сил сотрудникам агентства стоила работа над музыкальными предпочтениями Толика. Как заправский водила, он любил шансон, но женский коллектив, составляющий абсолютное большинство, категорически не хотел колесить по Москве под «Мурку». Катя не считала Толика личным водителем, поэтому на важные сделки или просмотры он возил не только ее. Девушки-агенты улыбались Толику и ловили другую радиоволну. Постепенно вкусы Толика изменились, теперь он сам с удовольствием настраивал магнитолау и предпочитал «Серебряный дождь».

– Не-а, – ответил Толик после раздумья, показавшего Кате, что он действительно перебирает в уме знакомые созвучия. – Только вот «Леди ин ред» помню. Как переводится-то?

– Мои мечты сбываются.

– Мечты сбываются и не сбываются, любовь приходит к нам порой не та-а-а, но все хорошее не забывается, а все хорошо-е и есть мечта, – фальшиво напел Толик, изо всех сил пытаясь подражать Антонову. Как многие, кому медведь наступил на ухо, он любил подпевать известным исполнителям. Но в отличие от многих, Толик еще и не стеснялся чужого присутствия, с удовольствием демонстрируя невольным слушателям отсутствие вокальных талантов.

Катя поморщилась, но промолчала. Слава богу, уже подъезжали к дому. Едва машина остановилась у подъезда, Катя выскочила и стала одной рукой судорожно искать в сумке ключи, ругая себя за то, что не приготовила заранее. Во второй руке были букеты.

– Катеринсанна, – крикнул ей в спину Толик. – Вещи же в багажнике! Давайте я подниму.

Точно, она совсем забыла про дорожную сумку, в которую положила часть вещей из берлинского чемодана, другую часть оставила на даче. Жизнь на два дома научила ее иметь два полноценных гардероба – на Николиной Горе и в Большом Гнездниковском. Она хотела было махнуть рукой – мол, бог с ними, с вещами, но вспомнила, что в сумке лежат подарки Соне, маме и бабушке, которые она успела купить в Берлине.

Катя вернулась к машине.

– Спасибо, Толя. Совсем забыла про вещи. Не сказал бы – я бы и не вспомнила.

Толик достал Катин саквояж из багажника и уже хотел двинуться с ним к подъезду. Встречая из поездов, он всегда доносил ее вещи до квартиры.

– Не надо, – решительно остановила его Катя. – Я сама.

Почему-то ей не хотелось, чтобы Толик видел, как она открывает дверь своей квартиры, обнимает и прижимает к себе Соню. В этот момент рядом не должно быть посторонних.

– Как скажете, Катеринсанна, – в недоумении протянул Толик. – Я тогда в офис погнал.

Катя открыла дверь лифта, машинально подумала: «Хорошо бы не поменяли на новый, как по всей Москве». Дверь громко лязгнула, и кабина поползла на пятый этаж.

«Будь дома, просто будь дома», – мысленно заклинала она Соню, подходя к двери квартиры. Хотя где ей быть в семь утра, как не дома?

Катя опустила саквояж на пол и вставила ключ в замочную скважину. Руки дрожали. Она провернула ключ три раза влево, но дверь не открылась. В панике Катя вынула ключ, вставила снова, до упора повернула вправо, закрывая замок, и снова влево: «Ну, открывайся!»

Не желая поверить в очевидное – дверь не открывается, – Катя дернула ее на себя, но без толку. Перестав заботиться о том, что лязг ключей нарушает утреннюю тишину подъезда, принялась судорожно крутить ключом в скважине туда и обратно, дергая дверь уже на каждом повороте, будто замок мог самостоятельно изменить принцип своей работы.

– Мама, ты?

Замок лязгнул изнутри. Соня в пижаме с мишками, которая давно стала ей мала, заспанно хлопала глазами. На щеке виднелась полоса от подушки. Значит, крепко проспала всю ночь на одном боку.

– Мам, ты чего так рано?

– Соскучилась, Совушка!

Самое ласковое семейное прозвище Сони придумала Анна Ионовна, сама Катя пользовалась им нечасто, в минуты наибольшей нежности.

– А чего ты ломилась-то? – зевнула Соня.

– Да не открывалась, представляешь. Я несколько раз пробовала открыть. Хорошо ты дома, а то пришлось бы вызывать мастера и замок менять, – Катя постаралась, чтобы голос звучал как можно более невинно и беззаботно.

– Вчера нормально открывалась, – Соня пожала плечами.

– погоди, сейчас проверим, – Катя вставила ключ в замок и свободно провернула его на четыре оборота.

– Странно, у меня дальше третьего не шло...

Соня вопросительно посмотрела на нее и снова зевнула.

– Чайник поставить?

– Нет, Совушка, иди поспи еще, а то я тебя разбудила.

Соня кивнула и пошла в свою спальню.

– Возьми сразу деньги для девочки, чтобы не забыть.

– Для какой девочки? – В глазах Сони мелькнуло недоумение.

– Для однокурсницы, которая раком больна, – напомнила Катя.

– Ааааа, – Соня дурашливо хлопнула себя по лбу. У Кати сжалось сердце, таким знакомым, родным был этот жест: дочь с детства красноречиво изображала им крайнее раскаяние, когда что-то случайно забывала – совочек в песочнице на детской площадке, мешок со сменкой в школьной раздевалке.

– По сколько вы собираете?

– Кто как может, ну тысяч двадцать было бы неплохо.

Катя хотела сказать Соне, что обычно на благотворительные цели перечисляют по пять-семь тысяч, если только это не благотворительный бал, когда принято жертвовать гораздо более крупные суммы. Недавно ее пригласили на одно из таких мероприятий, которое организовывала в Москве жена известного английского банкира, господина Дилсона. Вспомнив суммы, которые оставляли гости, Катя молча достала из сумки кошелек.

– У меня наличными только десять. Передай пока их, а потом, если будет нужно, добавим. Или, хочешь, раз расчетного счета нет, скажи мне телефон мамы этой девочки, я в Сбербанк-онлайне переведу по ее номеру и в сообщении напишу, что от тебя. Ехать не надо.

Соня энергично мотнула головой.

– Мне кажется, ей необходимо, чтобы мы лично приезжали и разговаривали с ней.

– Как скажешь.

Катя отсчитала купюры и протянула Соне.

– Спасибо, ма! Я уже проснулась, – оживилась Соня. – Не буду ложиться, дел сегодня много. Заеду сначала к Юлькиной маме... Ну, это та девочка с нашего курса. Кстати, они в Конькове живут, недалеко от бабушки Нади.

– Так поехали вместе! – обрадовалась Катя – Я скажу Анатолию, чтобы он нас отвез. Можем вместе и к Наде зайти. Я все равно сегодня к ней собиралась заехать, подарки из Берлина отдать.

– Нет, ма, я уже с ребятами договорилась у метро встретиться, мы вместе поедem. Ты поезжай одна, я в другой день Надю навещу. А где мой подарочек?

– погоди, держи пока сирень. Поставь в воду, пожалуйста, – Катя протянула Соне букеты.

– Почему три? – удивилась Соня.

– Тебе, Наде и Ане, всем по букету, – улыбнулась Катя.

Пока Соня возилась на кухне с букетами, Катя достала из сумки красиво упакованные подарки для «своих девочек» из знаменитого берлинского универмага KaDeWe, она специально ездила туда, решив, что они непременно должны быть куплены в самом большом универмаге Европы. Если бы с ней не было Лены, она заблудилась бы в этом торговом исполине, одних лифтов в нем оказалось двадцать шесть, а эскалаторов – целых шестьдесят семь.

– Это тебе, Совушка, – Катя протянула вернувшейся с

кухни Соне пакет из универмага.

– Что это?

– Померяй сейчас, пожалуйста, посмотрю, как на тебе сидит. Я хотела, чтобы прямо по фигуре, долго выбирала.

В пакете лежали два свертка. В первом – белая майка «Дизель» с глубоким круглым вырезом. Во втором – бархатные бордовые тренировочные штаны «Адидас».

«Закончилось то время, когда я могла наряжать ее, как куколку. Ведь раньше Сонюшка так любила платья, длинные юбки. А то темно-синее платье с белоснежным кружевным воротничком... уж она выросла из него, а все старалась натянуть...» Зная изменившийся вкус дочери и покупая спортивную одежду для подростковой Сони, Катя переступала через собственное желание выбрать что-то ажурно-кружевное, ласкающе-шелковое, струящееся, атласное. То, что можно назвать одним словом – девичье.

Она и правда обошла много бутиков в Kaufhaus des Westens, прежде чем выбрать подходящий подарок дочери. С Надей и Аней – все чаще Катя мысленно называла мать и бабушку так же, как Соня, по именам – было проще.

По давно заведенной традиции Надежде Бенционовне она привозила из-за границы перчатки. Из-за шрамов на ладони давным-давно порезанной руки она была заиклена на красивых перчатках. С детства Катя хранила в памяти ворох перчаток, которые лежали в третьем сверху ящике шифоньера – только перчатки, аккуратно сложенные стопками:

кожаные, трикотажные, кружевные для выходов в свет.

«Таких у нее точно нет: из молочной кожи, с внутренней застежкой», – обрадовалась Катя, разглядывая перчатки на витрине бутика.

Анне Ионовне, конечно же, флакончик «Diorissimo». Удивительно, но ей до сих пор идут эти девичьи духи. Катя искала еще помаду редкого кораллового оттенка, но цвет, который больше всего подходил бабушке, давно сняли с производства, перевела ей Лена после подробных консультаций с продавцами косметических бутиков.

Теперь Катя была неприятно удивлена, что Соня даже не взглянула в сторону предназначенных ей красиво упакованных подарков. Она уже успела сменить пижаму с мишками на темно-синюю трикотажную кофту-размахайку, которая была ей велика размера на три. Длинные рукава доходили до середины ладони. «Откуда вообще в нашем доме такая взялась? – недоуменно подумала Катя. – Вроде не было».

– Соня, детка, может, примеришь? – Катя сама стала разворачивать упаковку. Обычно она очень аккуратно обращалась с красивой оберткой, как будто собиралась завернуть в нее еще что-нибудь. Эта привычка осталась с детства, когда каждый красивый фантик или пакетик ценился у девчонок на вес золота.

На этот раз, изменив себе, она впервые в жизни рвала тонкую золотистую бумагу. На полу выросла горка из обрывков.

– Мам, если ты в следующий раз соберешься сделать по-

дарок, то не парься. Лучше деньгами.

– Соня, я же старалась, – неожиданно голос Кати задрожал, на глаза навернулись слезы, и она не смогла их сдержать, только смахнула тыльной стороной ладони.

– Мам, – Соня подошла к ней, подняла выпавшую из рук матери футболку и, сняв «отвратительный балахон», как успела окрестить его Катя, демонстративно надела новую футболку на голое тело, сверкнув обнаженным плечом.

Катя успокоилась, заулыбалась. «Видно, это у меня последствия болезни сказались, – подумала она. – Или еще хуже, вдруг это климакс? Да нет, рано ведь...»

Соня встала на цыпочки, как балерина, и торжественно повернулась, давая рассмотреть себя со всех сторон, подняв руки. Катя вздрогнула. По внутренней стороне руки от локтя к ладони змеей ползли буквы, составляющие знакомую фразу.

– Сонечка, что это? – спросила Катя пересохшими губами.

Соня развернула руку и посмотрела на тату.

– Аааа, да это я сделала несколько недель назад.

– Стильно получилось, – выдавила из себя Катя. – Почему ты именно такую надпись выбрала?

Впервые в жизни такой незначительный по нынешним временам проступок ввел ее в сильное замешательство. «Подумаешь, сейчас у каждого второго наколки, тьфу ты, то есть татуировки», – оправдывала она дочь.

Хотя на самом деле ей хотелось крикнуть: «О чем ты ду-

мала, когда решилась на такое?!»

– Случайно. Я хотела какой-нибудь орнамент, но там у мастера в тату-салоне столько образцов его работ. Стала смотреть фото и увидела у одной девушки такую же надпись. Мне показалось, что мне пойдет. Может, потому что девушка чем-то на меня была похожа.

– Как ее звали, Анна? – вопрос сам собой сорвался с Катиных губ.

– Ма, ты чего? – удивилась Соня. – Я-то откуда знаю? Кто эта Анна?

– Девушка с такой же татуировкой, – про себя Катя отметила, что ей очень приятно произнести эту фразу в настоящем времени.

– Неудивительно. Этот мастер такой же культовый, как и фотограф. Думаю, в Москве можно найти не одну девушку с такой татуировкой. И потом, размер фразы очень удачный: не слишком короткая, но и не длинная.

– Да, ты права, – теперь Кате хотелось поскорее закрыть тему татуировки, оказавшейся к тому же ненастоящей.

Мало ли в жизни совпадений? Да вся жизнь только из них и состоит! Вопрос только в том, замечаешь ты их или нет, как трактуешь, какой смысл вкладываешь.

Совпадение – это просто совпадение, столкновение двух фактов. Случайным или неслучайным их делает лишь наше отношение. Захотела Катя увидеть связь в татуировке – и увидела. В конце концов, может, правда популярный у мо-

лодежи мастер делал татуировку Анне, что, в свою очередь, не более чем совпадение, совсем не удивительное для такого тесного города, как Москва.

– Передавай привет Наде и Ане, – сменила тему Соня. – Я бы съездила с тобой, но правда ребята будут ждать. Сегодня суровый матриархат обойдется без меня.

Суровым матриархатом Соня называла всю женскую линию от прабабушки Ани до Кати. Вообще-то они должны были быть «суворым матриархатом», потому что именно фамилию Суворовых обыгрывала Соня. Но уж больно заковыристо звучало – язык сломаешь, и, признав лингвистический эксперимент неудавшимся, Соня заменила «суворый» на «суровый». Хотя, конечно, никаким суровым он не был. Напротив, в женском мирке Ани, Нади и Кати царили гармония и взаимопонимание, чему в немалой степени способствовала купленная Катей для матери однушка с большой кухней в Конькове. Анна Ионовна осталась в своей прежней квартире в Брюсовом переулке.

Не сказать, чтобы Аня и Надя сильно скучали друг по другу, но отношения заметно наладились. Надежда Бенционовна, после неудачного брака всю жизнь изводившая мать придирами и дурным настроением, теперь ездила в гости к Ане на чай. Анна Ионовна больше не слушала с отстраненным видом колкости Нади, а, напротив, даже скучала по ним и ждала ее рассказов о жизни в Конькове, в которых мелькали знакомые острые словечки.

Надо заметить, Надя превосходила саму себя, живописуя новых соседей, в словесных баталиях с которыми, надо думать, всегда одерживала победу, оправдывая мужнину фамилию. Через полгода после переезда весь подъезд в Конькове как «Отче наш» знал Кодекс административных правонарушений в части запрета на курение в общественном месте, шума в вечернее время и производимого в выходные дни ремонта. Дети вежливо здоровались с тетей Надей, управдом в жилконторе стоял по стойке «смирно», велосипедисты перестали парковать под лестницей на первом этаже свой транспорт во исполнение правил противопожарной безопасности.

Вскоре Надежда получила почетное звание старшей по дому, что было одобрено и запротоколировано на общем собрании собственников жилья. Под чутким руководством Надежды Бенционовны отдельно взятый дом в Конькове являл собой, пожалуй, единственный в этом районе образец высокой культуры быта.

Втайне Анна Ионовна радовалась, что организаторские способности дочери проявились вовремя, то есть после переезда. Трудно было представить профессорский и консерваторский состав аристократического дома в Брюсовом переулке, пляшущий под дудку Надежды Бенционовны. Как-то Надя попыталась отчитать старичка-академика, который курил трубку, спускаясь по лестнице, но вняла просьбам матери не приставать к ее соседям – «слышишь, Надя, моим соседям», с которыми прожит бок о бок почти век.

Потом у Нади появился Леня, с которым она познакомилась в синагоге. Анна Ионовна по секрету рассказала Кате, что никакой Леня не еврей, а просто умный и дальновидный пенсионер, знающий, где искать приличную обеспеченную женщину. Но и Катя, и сама Анна Ионовна были рады за Надежду, потому что после стольких лет неприступного одиночества появления мужского плеча никто уже не ожидал.

Леня жил в своей квартире в Медведкове, но потом сдал ее и переехал к Надежде с вещами. Впрочем, за мать Катя не беспокоилась. Кого-кого, а уж Надежду сложно обвести вокруг пальца. Скорее наоборот, «суровый матриархат» поглотил Леню, ставшего правой рукой Надежды Бенционовны. Ему даже нашлась ставка в местной жилконторе, от которой Леня, как активный пенсионер, не отказался.

Надежда им не гордилась, как не гордится опытный руководитель рядовым подчиненным, но и не прятала.

Постепенно Леня стал участником семейных торжеств. Оставлять его дома было как-то неудобно. В гостях у Анны Ионовны он вел себя робко, опасаясь сморозить глупость при известной пианистке, и с восхищением разглядывал мебель. Особенно нравились ему стулья. Перед тем как сесть, он любовно оглаживал сиденье, чем неизменно напоминал Кате предводителя дворянства Кису Воробьянинова. Как знать, может, Леня тоже подозревал, что под обивкой скрыты сокровища.

В последнее время и Лене было чем гордиться: он с увле-

чением рассказывал Anne Ионовне о совершенном в минувшем августе заплыве. Вернее, даже не заплыве, а самом настоящем переплыве. В юности он занимался плаванием и, выйдя на пенсию, вернулся к этому увлечению. Весь год тренировался в бассейне спортивного комплекса «Олимпийский», для того чтобы летом в составе международной группы молодежи и людей среднего возраста, среди которых он был единственным пенсионером, чем страшно гордился, переплыть Босфор. Шутка ли сказать – два часа в воде, сильное течение почти у финиша, катера сопровождения, пресса и встречающие с цветами на том берегу.

– А как же тот итальянец? – в сотый раз расспрашивала Анна Ионовна, подкладывая Лене в розеточку сливовое варенье.

Конечно, все уже знали, что итальянец, ставший за год рассказов почти что родным, не справился с течением и чуть не утонул, но его вовремя подхватили бдительные спасатели с ближайшего катера.

– Сошел с дистанции, – сокрушенно вздыхал Ленья. – Но выжил!

При этих словах Анна Ионовна театрально прижимала руки к сердцу и качала головой.

Катя опять вынырнула из своих мыслей: надо принять душ, выпить кофе и ехать к «матриархату». Ведь и сирень она купила специально, чтобы не оставить себе шанса отложить визит к маме и бабушке на потом. Букет надо вручить

не увядшим, а сирень долго не стоит.

– Что тебе на завтрак сделать? – крикнула она Соне, которая уже упорхнула переодеваться. – Тосты или омлет?

– Ничего! – крикнула в ответ Соня. – Ты же знаешь, утром аппетита нет. Я потом перед учебой в «Бургер Кинг» зайду.

Катя включила кофемашину, потом, обхватив горячую чашку двумя руками, подошла к окну и прижалась лбом к стеклу. Тверской бульвар, который проглядывал между двумя домами, показался ей таким уютным, что захотелось обнять его, прижаться и попросить защиты. От чего? Она и сама не знала.

* * *

С девятого этажа небольшое футбольное поле с искусственным покрытием видно как на ладони. В утренний час на нем не было ни души.

– Нет, ну ты представляешь? – возмущенно говорила Надежда Бенционовна. – Государство дало им возможность заниматься спортом. Но не в двенадцать же ночи! А эти лоси выходят на площадку и барабанят своим мячиком. Сейчас тепло, окна у всех открыты, как будто по голове стучат. Мы уже начали сбор подписей!

– Ну, по крайней мере это лучше, чем сидели бы у подъездов с пивом или чем еще покрепче, – робко предположила Катя. – Все равно молодежь летом допоздна гуляет, так пусть

лучше спортом занимаются.

– Ты не понимаешь! – горячо перебила ее мать. – С пивом или покрепче гораздо лучше! Сразу звонишь дежурному в полицию, и их забирают в отделение и выписывают штраф! Прошлым летом, Леня не даст соврать, мы заранее написали коллективное обращение в районный отдел милиции, и двор поставили на учет.

Леня кивнул, подтверждая, что Надежда Бенционовна не врет.

– Как, весь двор на учет? – не поняла Катя.

– Да, весь двор как нуждающийся в патрулировании. И потом все лето патрульная машина два, а то и три раза за ночь объезжала двор в целях профилактики.

– Вроде ты говорила, что тем летом шумные компании все равно сидели, песни пели.

– Сидели, – вздохнула Надежда Бенционовна. – Они рассчитали время, когда заезжала машина, и прятались, а потом опять сидели.

Леня кивнул, подтверждая, что именно так коварно и вели себя подростки.

– Мама, пока меня не было, Соня-то заезжала?

– Нет, – покачала головой Надежда. – Хотя я ее приглашала. Сейчас конец учебного года, у девочки нагрузка, я все понимаю.

Сирень Надежда поставила посреди круглого стола. Размер кухни позволил ей купить именно круглый стол, как у

них в Брюсовом переулке – почти такой же, разве что стилизация под старину и чуть меньше. На кухне у Кати тоже стоял круглый стол. Груверы-Суворовы всегда обедали за круглым столом и гордились этой традицией.

Перчатки Надежда померила и унесла в комнату. Катя не сомневалась, что и в новом шкафу-купе для перчаток нашлась отдельная полочка. Временами она удивлялась, как из угрюмой, нелюдимой, погруженной в собственные мысли женщины Надежда Бенционовна превратилась в грозу нерадивых коммунальщиков и коньковской шпаны. Как будто под покровом добровольной аскезы одиночества медленно тлел вулкан кипучей общественной деятельности. Все те овации, которые многообещающая юная пианистка Надя Грувер не снискала из-за чудовищного и глупого несчастья, перерезавшего не просто сухожилия левой кисти, а все ее музыкальное будущее, она срывала теперь в победах над бытовыми неурядицами, которыми полон двор каждого дома в спальном районе. И все-таки эти перчатки, этот круглый стол, этот властный взгляд позволяли Кате узнавать прежнюю мать – не ласковую и не чуткую, но все же свою, родную.

– Ладно, мама, я тоже долго сидеть не буду, поеду. Еще к бабуле заскочить надо.

– Как всегда, вся в делах. Когда же ты отдыхаешь, Катерина?

– Да на работе и отдыхаю. Соньку вон еще на ноги поставить надо.

– Соньке-то мать нужна в первую очередь, а не кошелек.

– Мама, зачем ты так. Я все для нее делаю: и выслушаю, и помогу, когда надо. Да она уже почти взрослая, не очень-то и слушается.

– Вот именно, что *почти*, – назидательно сказала Надежда. – Считать Соню взрослой – это все равно что в марте ходить в куртке нараспашку и без шарфа, полагая, что пришла весна. Простудой чревато.

Катя поняла, что пора уходить. Если Надежда Бенционовна начинала читать нотации, продолжаться это могло долго, а пытаться перевести разговор на другие темы – тщетно.

– Мама, мы все волнуемся за Соню. За ее учебу, за ее личную жизнь. Может быть, по-разному: вы как бабушки, я как мать. Но с одинаковой силой хотим ей добра. Пока Соня не работает, ее финансовое благополучие целиком зависит от меня. Впрочем, как и всей нашей семьи. Понимаю, что провожу с вами не так много времени, как мне самой хотелось бы, но уж со своей ролью кормильца я справляюсь, потому что... – произнеся невольно вырвавшуюся тираду, Катя умолкла на полуслове, сейчас ей меньше всего хотелось спорить с матерью.

Та смотрела на дочь выжидающе. Леня деликатно ушел в комнату, Катю он уважал и побаивался. Она поймала себя на мысли, что и там он прекрасно слышит их разговор, грозящий перерасти в ненужный спор.

– Потому что так уж сложилась жизнь, – закончила она.

– Катенька... – Надежда Бенционовна взяла со стола бумажную салфетку и утерла навернувшуюся слезинку. – Да разве я ж не понимаю. Я одна, считай, всю жизнь прожила, без отца тебя с бабушкой вырастили. И ты туда же. Проклятие как будто над нами.

– Ну что ты, у Сони вон Тимур есть, у тебя – Леня, – сказала Катя, чуть повысив голос, чтобы точно быть услышанной в комнате.

– Соня нелюдимою какой-то стала, я же чувствую. Подменили словно девку. Уж не из-за Тимура ли переживает?

– Соню мы никому в обиду не дадим, – Катя приобняла мать за плечи.

– Ну а твой-то доктор как? Хороший же человек. Может, хватит уже одной, а, Кать?

– Все хорошо, мама. Не хочу сейчас об этом. И прошу тебя, не трепли себе нервы с этой молодежью во дворе. Лучше поезжайте куда-нибудь отдохнуть с Леной. Выберите путевки, скажи мне, я добавлю сколько надо.

– Спасибо, Катенька, но у тебя своих проблем хватает. Леня к очередному заплыву готовится. Правда, Леня? – крикнула она в комнату.

– Так точно! – тут же донеслось из-за стенки.

* * *

– Какая прелесть! – Анна Ионовна всплеснула руками при

виде букета сирени. – Помнишь, как на даче в Удельной сирень цвела? А мы с тобой всегда букетик на стол ставили.

– Да я всегда это и вспоминаю, бабуля, когда сирень вижу. На Николиной сейчас так же, все в сирени утопает. Давай я тебя на выходные туда отвезу?

– Я бы с удовольствием, Катюша, но ведь конец мая. Мне сессию принимать – зачеты, экзамены.

– Соне есть на кого равняться, – улыбнулась Катя. – Тебе понравился их новогодний концерт в училище?

– Очень сильный курс, и Соня наша – одна из самых талантливых скрипачек. Жалко будет, если она выберет другую профессию.

– Почему она должна выбрать другую профессию? – не поняла Катя. – Она только учиться начала, и твой пример перед глазами.

– А ты ходила на показ в Дом мод к ее другу Тимуру? Мне кажется, Соня всерьез увлеклась модельным бизнесом. Она сидела рядом со мной и так увлеченно комментировала представленную коллекцию, прямо как настоящий эксперт. Жалко, Соне росточку не хватает, а фигурка у нее идеальная. Такие пропорции... Найти бы художника, запечатлеть ее в полный рост, – размечталась бабушка.

Кате почему-то вспомнился портрет Майкла на стене, излишне строго она прервала Анну Ионовну:

– Пусть музыкой занимается, а не дефилирует и позирует, от этого мозгов не прибавится!

– Вспомни меня, каждый концерт – вершина айсберга, которая венчает невидимый постороннему глазу ежедневный труд. Надо быть своего рода фанатиком. Наша Соня талантлива во многом, а тут надо сконцентрироваться на одном и даже отсечь то многое, что еще интересно. Настоящий музыкант – это не только талант, но еще и выбор.

– Я приму любой ее выбор, лишь бы она была счастлива. Думаю, нет ничего плохого, что Соня ищет себя. В конце концов, я тоже не стала научным работником, – улыбнулась Катя.

– Да уж помню я, как деканша жаловалась на твою расклейку объявлений, – рассмеялась Анна Ионовна. – Сколько воды с тех пор утекло. Не верится, скоро Соне будет столько, сколько тебе тогда было!

– Заходила она к тебе?

– Ко мне нет, к Наде в Коньково заезжала.

– Да? – только и смогла вымолвить Катя. – Хорошо, что нашла время, а то к сессии подготовки много.

– Только это секрет. Надя просила меня не говорить тебе. Соня деньги у нее заняла, а на что – не сказала. Вот она и звонила мне узнать, но ко мне Соня не заглядывала.

– Странно, могла бы мне позвонить. Какую сумму?

– Откуда мне знать. У Надежды к Соне свое отношение, она внучку не выдаст. Кстати, у Тимура скоро новый показ будет, Соня меня с ним познакомила, и он пригласил. Пойдем-ка вместе. Мне кажется, все, что сейчас делает Соня,

так или иначе связано с ним. Возможно, деньги нужны ему? Вспомни свою первую любовь. Ты тогда для Майкла делала все, что могла.

– А ты выписывала из газеты адреса квартир и телефоны хозяев в тетрадку, – грустно улыбнулась Катя. Майкл показался ей далекой точкой на горизонте прошлой жизни. – Где-то она у меня хранится, с нее и началась история агентства «Фостер».

– Катюша, – бабушка накрыла своей ладонью ее руку. – Все будет хорошо. Запомни, хо-ро-шо, по-другому и быть не может.

– Спасибо, бабуль, – Кате захотелось уткнуться в плечо Анны Ионовны, как в детстве.

Сейчас, как и тогда, как *всегда*, бабушка была единственной ее утешительницей: ушибла ли она коленку, принесла ли из школы случайную и несправедливую двойку, обожглась ли о пламя любви к мужчине, который не стал судьбой. Только в ее безусловной любви и поддержке Катя могла быть уверена.

На прощание Анна Ионовна, как всегда, поцеловала ее в щеку и крепко обняла. Кате пришлось чуть наклониться: с возрастом ее бабушка, как и все бабушки на свете, стала чуть ниже ростом. А может, дело было в том, что Катя, как многие внучки, носила каблук.

Катя вспомнила, как в детстве она чуть ли не каждый месяц мерилась с бабушкой ростом. «Вот уже до подмышки

достаешь», – радостно смеясь, говорила бабушка. А через каких-то полгода: «Ничего себе! Выше моего плеча вымахала». Однажды летом, когда сначала бабушка была в санатории, потом Катя в первый и последний раз в жизни уехала в пионерлагерь, они не виделись два месяца. Вернувшись домой к сентябрю, Катя с удивлением обнаружила, что ей нужно наклониться, чтобы поцеловать бабулю. И до сих пор ее не покидало удивление, когда приходил черед прощаться, ведь рядом с бабушкой она по-прежнему чувствовала себя маленькой девочкой.

Выйдя из подъезда, она не сразу села в машину, а остановилась и окинула взглядом знакомые окна. Старый, милый, знакомый с детства двор! Московских окон негасимый свет – для каждого коренного москвича он горит по своему родному адресу, для Кати он всегда здесь, в Брюсовом переулке.

Выезжая из двора, она поймала на себе взгляд женщины, стоявшей на противоположной стороне дороги. Она смотрела не на Катю, а во двор, будто собираясь перейти дорогу, но в скользнувшем по ней взгляде мелькнуло узнавание. «Может, соседка», – подумала Катя, хотя почти все жильцы дома были ей известны, и дама точно была не из их числа. Но все равно Катя почему-то не могла назвать ее незнакомкой.

Времени вспоминать не было. Притормозивший джип галантно мигал фарами, позволяя выехать со двора. Катя махнула рукой водителю в знак благодарности и вырулила на дорогу. Если бы она могла оглянуться, то увидела бы, что жен-

щина, проводив взглядом ее машину, пошла в сторону Тверской.

Глава 4. Боня и Леня

– Какая еще собака? – Катя отставила дежурную чашку кофе и удивленно посмотрела поверх очков на вошедшую в кабинет секретаршу.

Элегантные очки в тонкой позолоченной оправе она надевала в основном в офисе, когда работала с документами: ее природный близорукий «минус» с возрастом компенсировался небольшим дальнозорким «плюсом», и теперь даже контактные линзы, которые так выручали в повседневной жизни, нуждались в помощи, когда она брала в руки бумаги.

На сотрудников Катины очки наводили благоговейный трепет, ведь они означали, что Екатерина Александровна очень занята и ее лучше не отвлекать. Вот и сейчас молоденькая секретарь, не решаясь пройти дальше порога, застыла в дверях.

– Маленькая белая собачка, – пролепетала она. – Французская болонка. Мне сказали по телефону, что вы обязательно поможете.

– Мы же не приют для животных! Наверное, кто-то ошибся номером.

– Вряд ли. Женщина говорила с сильным акцентом, но я точно расслышала ваше имя. Она сказала, что ваш мобильный телефон был выключен, поэтому она звонит по второму номеру на визитке в офис агентства. Ее муж – постоянный

клиент, и она уверена, что вы сможете помочь им устроить собаку на время отъезда.

– Она представилась?

– Да, я записала, – секретарь протянула Кате листок. – Она просила связаться с ней по указанному телефону, чтобы обсудить семью, которая обеспечит все условия проживания собачки на три недели.

Катя взглянула на листок, хотя уже поняла, что от этого поручения ей не отвертеться. Так и есть! Госпожа Дилсон – супруга влиятельного английского банкира американского происхождения, проживающего в Москве.

Она отлично помнила господина Дилсона еще с девяностых, когда он бывал в столице наездами. Впервые он пришел в их с Майклом офис по объявлению в «The Moscow Times»: Дилсона интересовало все только лучшее! Исключительно элитные апартаменты в Москве – «*the most elite apartments*», подчеркнул он тогда. То, что владельцем агентства, которому предстояло найти ему такую квартиру, оказался американец, Дилсону, безусловно, импонировало. Искала и нашла ее, разумеется, Катя, что не могло укрыться от проницательного банкира.

Стоит ли говорить, что располагалась эта квартира на Патриарших прудах. В девяностые годы Патриаршие сравнивали с Центральным парком в Нью-Йорке. Там были самые престижные и дорогие апартаменты. Клиенты немногочисленных в то время агентств недвижимости буквально дра-

лись за квартиры в доме по адресу: Малая Бронная, 32, с видом на пруд. Наиболее везучим посчастливилось арендовать квартиры на третьем и четвертом этажах дома, потому что там были балконы. Но выше всех в прямом и переносном смысле слова жил господин Дилсон с семьей. За этой квартирой на шестом этаже с огромным балконом Катя охотилась больше трех месяцев. Сделка состоялась благодаря хитрой комбинации, с помощью которой владельцы – родители и двое взрослых детей – разъехались по квартирам не меньше ста метров каждому, да еще и в этом же районе.

С тех пор переезжал Дилсон редко, но всегда метко, пользуясь только услугами агентства «Фостер», даже когда в память о Майкле осталась одна фамилия, которую было решено сохранить в качестве репутационного капитала – единственного, что ему не удалось унести с собой.

Поиском недвижимости для Дилсона, будь то квартира, дача или новый офис, Катя всегда занималась лично. Перепоручить такого клиента другому, даже самому опытному агенту было бы дурным тоном, а отказать семейству Дилсон – просто невозможно, даже если бы они пожелали поручить ей заботу о милом ручном домашнем крокодиле.

«А тут всего лишь маленькая белая собачка, – обреченно подумала Катя. – Любимая собачка госпожи Дилсон, которая устраивает благотворительные балы для помощи осиротевшим детям, бездомным животным, одиноким старикам и непонятым гениям, а потому считается чуть ли не святым

человеком».

Собственно, никаких особых затруднений в связи с неожиданным поручением не должно было возникнуть. Перед Катей стояла всего лишь очередная поисковая задача, только на сей раз ей предстояло найти не квартиру для покупателя или покупателя для квартиры, а временного заботливого хозяина с квартирой для болонки. Условия поиска таковы – это должен быть самый надежный и проверенный, дисциплинированный и ответственный человек на свете, который обеспечит полную сохранность собачки. О том, что будет, если с питомцем семьи Дилсон что-то случится, лучше было даже не думать.

* * *

Черный микроавтобус «Мерседес» с тонированными стеклами медленно въехал во двор дома в Конькове и остановился, словно для того, чтобы дать возможность хорошенько рассмотреть его со всех сторон. На отполированных до блеска боках играли солнечные зайчики, а сама модель внушительностью размеров явно намекала на то, что неожиданный гость – limited edition.

На самом деле водитель замер в нерешительности, прикидывая, сможет ли развернуться в этом заставленном разномастными машинами узком дворе или придется сдавать задним ходом, перегородив въезд и выезд.

Так и не разрешив эту дилемму, он просто остановил машину посреди двора. Дверь «Мерседеса» открылась, из нее вышел черный как смоль, широкоплечий афроамериканец в белоснежной рубашке, с белозубой улыбкой. В руках он нес переноску для собак из зеленого бархата с логотипом «Ральф Лоурен», в прорези которой можно было заметить маленькое привидение. А что еще могло быть таким ослепительно-снежным – белее, чем рубашка и улыбка афроамериканца вместе взятые, – и иметь два идеально круглых черных глаза?

– Ах ты ж, титька тараканья! – с восхищением протянула Зинаида, главная из трех старушек, сидевших на скамейке у подъезда, к которому направилось заморское диво. В ее устах это была высшая похвала, которой удостаивались немногие явления окружающей действительности в Конькове.

Дверь в подъезд уже открывала Надежда, словно невиданное явление было отрепетировано заранее.

– Кто это у нас там такой мохнатенький? – ласково поинтересовалась Надежда у бархатной переноски, на всякий случай загораживая собственноручно повешенное на дверь подъезда объявление о том, что собак предписано выгуливать в наморднике и на поводке, слушание расценивается как административное правонарушение и карается штрафом.

– Гау, – доверительно сообщил ей обитатель переноски.

Две блестящие черные бусины доверчиво уставились на нее, потому что афроамериканец торжественно, как торт, вручил ей переноску прямо в руки.

– Мадам, его называться Бон-Бон. В этот сумка – все, что он любить, – с сильным акцентом сказал провожатый. В руках у него была вместительная дорожная сумка с тем же логотипом «Ральф Лоурен». – Пожалуйста, я провожать вас с Бон-Бон до ваш квартир!

Он распахнул дверь в подъезд.

– Подождите минуточку, дайте мне посмотреть на него, – Надежда подошла с переноской к скамейке.

Старушки с готовностью подвинулись, не отрывая взглядов от бархатной переноски. Казалось, они не удивятся, даже если оттуда, как из шляпы фокусника, вылетят белые голуби, выскочит кролик или потянется нескончаемая лента разноцветной мишуры.

И все же они ахнули в изумлении, а Зинаида издала утробный звук, который не преобразился в слова, поскольку свою коронную фразу она уже потратила на лощеного афроамериканца.

В переноске сидела белоснежная игрушечная собачка и, склонив головку набок, изучала зрителей. Она часто дышала – так, будто бежала всю дорогу до Конькова, и один раз мигнула, что явно указывало на то, что игрушка живая.

– Мальтийский болонк! – с гордостью сообщил им подошедший афроамериканец и аккуратно поправил сверкаю-

щий разноцветными камнями ошейник собачки. – Мальтезе!

– Не убежит? – прошептала Надежда.

Вместо ответа афроамериканец, который, признаться, боялся того же и с опаской оглядывал окрестности и огромную помойку во дворе, пристегнул к ошейнику инкрустированный стразами поводок и протянул его Надежде. Больше всего он мечтал убраться отсюда поскорее, даже на родине в Бруклине он чувствовал себя спокойнее.

Надежда с опаской вынула Бон-Бона из переноски и прижала к лицу, он мгновенно лизнул ее в щеку нежно-розовым язычком. Она даже покраснела от удовольствия, сама от себя не ожидала.

– Ну что, пошли домой, Боня? – спросила она его и понесла на руках к подъезду.

* * *

В первый день своей новой жизни в Конькове Бон-Бон лежал на кровати. Он отказывался спускаться на пол и даже есть ароматный собачий корм с витиеватым названием на этикетке.

По дороге его растрясло, и этим объяснялось то, что любимца мадам Дилсон не взяли с собой на каникулы в Англию. Бон-Бона укачивало в самолете, мутило в поезде и подташнивало в машине.

Он был классической диванной болонкой, созданной для того, чтобы украшать собой интерьер, перемещаться из гостиной в ванную комнату и обратно – желательно на руках, дремать под неспешные салонные разговоры хозяйки и терпеливо притворяться плюшевым истуканом, оказавшись в руках хозяйских детей. По крайней мере, так думали госпожа Дилсон и он сам.

Отойдя от путешествия в удаленное от центра Коньково из нового монолитного дома в Большом Афанасьевском переулке, 28, апартаменты в котором господин Дилсон купил еще на стадии строительства, Бон-Бон с опаской огляделся. Всю жизнь его перевозили из одного прекрасного места в другое, еще более прекрасное. Стало быть, тут тоже должно находиться ванная комната с хрустальными люстрами и джакузи – еще больше, чем прежде, а ведь и в той он каждый раз, как его мыли, боялся утонуть. Не менее трех раз в день.

Очевидно, за стеной находилась кухня – оттуда пахло едой, а раз так, то там пряталась приставленная к нему филиппинка, которая готовила очередное блюдо из консервов или размешивала полезные для мальтийских болонок витаминные коктейли. Каждый день она приставала к нему с эти-ми витаминами, беспрестанно терзала расческой, а главное – после каждой помывки опрыскивала одеколоном, потому что хозяйка хотела, чтобы от него хорошо пахло. На улицу филиппинка носила его на руках, а принеся обратно, мыла и душила еще более тщательно, поэтому гулять Бон-Бон не

любил.

Сейчас на кровати Бон-Бон чувствовал себя в относительно-безопасности, радовался, но и недоумевал временному затишью вокруг собственной персоны.

В это время Леня сидел за стеной на кухне и смотрел на часы.

– Как долго этот паразит будет валяться на моем месте? – строго спрашивал он Надежду Бенционовну. – Прошел уже час. Я тоже хочу полежать с газетой.

– Как тебе не стыдно, – тихо, будто Бон-Бон может услышать, понять и обидеться, увещевала его Надежда. – Собака пережила стресс, скучает по хозяевам. Он же не лает и не дерет обои. Подумаешь, лег на твое место. Иди посиди в кресле.

– Лучше пройдусь по району, – решил Леня.

– Ты... это, – осторожно попросила его Надежда Бенционовна, провожая до дверей, – объявление с дверей подъезда сними. Как-нибудь незаметно. Будто хулиганы сорвали.

– Может, еще насрать у мусоропровода? – пробормотал Леня, когда дверь за ним закрылась. Дверь подъезда с сорванным объявлением.

* * *

– Ой, а кто это у нас просыпается, ой, а чьи это глазки открываются?

Бон-Бон сонно приоткрыл один глаз и вопросительно уставился на Надежду, которая ласково почесывала его за ухом.

Его утро всегда начиналось с получасового расчесывания, поэтому он обреченно вздохнул и лег на спину: ежедневный ритуал без вести пропавшая филиппинка обычно начинала с живота, потому что в основном хозяева смотрели на Бон-Бона сверху и сбоку, стало быть, именно на спине и боках шерсть должна была быть начесанной в последнюю очередь и оставаться непрямой как можно дольше.

У Нади – он уже знал, как зовут приставленную к нему вместо филиппинки служанку, – видимо, не оказалось в доме расчески, потому что она принялась гладить его по животу пятерней. Нельзя сказать, чтобы Бон-Бону это не понравилось. По заведенной традиции он попеременно подставлял ей оба бока и спину. Если его шерсть будет недостаточно пышной и это не понравится окружающим, он не виноват.

– Леня, смотри, да он же дрессированный! – крикнула Надежда в открытую дверь.

– Лучше бы они его тогда в цирк сдали! – откликнулся с кухни Леня, довольный тем, что вечером все-таки сумел спихнуть наглого пса с кровати, и тот устроился на ночь в углу на сооруженном Надеждой лежаке из диванных подушек.

Одеколону в этом доме тоже, видать, не было. По крайней мере, переводить его на Бон-Бона никто не собирался, так же как и нести на руках на кухню.

Бон-Бон, чувствуя себя изрядно проголодавшимся после вчерашнего воздержания, собрался с духом и отправился осматривать дом самостоятельно. Конечно, он немного боялся заблудиться, помня, какой огромной была квартира его хозяйки, исчезнувшей, как и надоедливая филиппинка. Он тщательно обнюхивал каждый угол, чтобы запомнить запах и вернуться в эту же комнату.

Медленно труся вдоль стены и почихивая, когда в нос падала пыль, вскоре он учуял знакомый запах и поднял голову – перед ним возвышалось ложе, на котором он провел ночь. Бон-Бон решил, что сбился с пути и свернул где-то раньше, чем нужно, поэтому большая часть квартиры, включая залу для приема гостей, будуар и комнату пыток с джакузи, осталась неисследованной. Он собрался с силами и отправился в путешествие вновь – еще медленнее и осторожнее. Через тот же промежуток времени он вновь уткнулся носом в диванные подушки.

– Надя, что он как заведенный по кругу ходит? – крикнул Леня Надежде, загружавшей белье в стиральную машину за закрытой в ванную комнату дверью. – Явно пи-пи хочет, тащи его на улицу, пока не наделал!

Услышав знакомое слово «улица», Бон-Бон опрометью юркнул под круглый стол, чтобы его не нашли. При прогулках с филиппинкой это давало возможность выиграть минут десять-пятнадцать.

Леня с интересом наблюдал, как важная и строгая Надеж-

да Бенционовна полезла под стол и, стоя на коленях, уговаривала Бонечку «выйти хоть на пять минут». Он не узнавал былую Надю и не понимал, как может настолько переродиться человек – и ладно бы перед лицом смертельной опасности в виде акулы, преследующей участников международного заплыва. Но ведь гипотетическая акула не шла ни в какое сравнение с этим мохнатым засранцем, которого при желании с головой можно засунуть в карман куртки.

Бон-Бон с неудовольствием позволил вытащить себя из-под стола и приготовился к обычным истязаниям – надеванию бархатного жилета, а если на улице дождь, то еще и несносных кожаных сапожек на каждую лапу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.